

ДЕМ МИХАЙЛОВ

**ЗАПЕРТЫЙ
МИР НИЗШЕГО**

Запертый

Дем Михайлов

Запертый

«Автор»

2022

Михайлов Д.

Запертый / Д. Михайлов — «Автор», 2022 — (Запертый)

ISBN 978-5-532-17860-1

Это история о молодом сурвере Амадее Амосе, что однажды, после очередной оплеухи и удара головой о стену понимает – хватит! Надоело! Сурверское убежище Хуракан, что надежно скрыто в безопасной земной толще от последствий разыгравшейся несколько веков назад ядерной войны. Счастливчики выжившие, что называют себя сурверами, столетиями живут по собственным законам и правилам. Сурвер – звучит гордо! Пусть наверху бушует ядерная зима и бродят страшные мутанты. Здесь внизу тепло, сытно и безопасно. Не о чем больше и мечтать...

ISBN 978-5-532-17860-1

© Михайлов Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	27
Глава четвертая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дем Михайлов

Мир Низшего

Запертый. Книга первая

Что ничтожное, обыкновенное

Глава первая

– Ты сломал мой фонарь, Ропп, – жалобно повторил я уже, наверное, в сотый раз. – Ты его сломал.

Пригибаясь, испуганно втягивая голову в плечи, я поспешно семенил за ним – уверенно и гордо шагающим по третьему техническому путеводу.

– Ты сломал мой фонарь, Ропп, – проблеял я и еще успел подумать, что мне пора бы заткнуться, пока я не схлопотал по...

Он даже не ударил. Он просто развернулся, упер основание грязной ладони мне в губы и резко толкнул. Отлетев назад, я врезался затылком в стену и, приглушенно охнув, сполз по ней на пол, где и замер, чувствуя, как в голове что-то стремительно набухает...

Там будто что-то вздувалось...

– Не ломал я твой сраный фонарь, Амос-Анус! – прорычал нагнувшийся надо мной Ропп, больно ухватив меня за плечо. – Он и был сломанный! Подтверди!

Так всегда все и кончалось. Я против воли послушно отдавал кому-то из ему подобных одну из своих немногих драгоценных вещей, а затем днями вымаливал ее обратно. Когда же получал – она была в ужасном состоянии. И все бы ничего, но мой фонарь... там поломка выглядит серьезной. А без исправного фонаря мне не жить...

– Подтверди! Давай, Анус слезливый! Подтверди! – продолжал наседать Ропп, поднося к моему лицу засветившийся экран своего наручного сурвпада.

Какая шикарная все же вещь... сквозь пелену боли я заворожено уставился на мерцающий волшебный экран.

– Подтверди, Амадей! – не унимался парень, в чьих глазах вспыхнула искра беспокойства, когда мои проведенные по затылку пальцы окрасились красным. Его голос стал чуть мягче. – И скажи вслух, что ты сам упал. Давай, дружище – говори. Ну!

Все как всегда...

– Все как всегда, – пробормотал я, неотрывно глядя на кровь на своих грязных пальцах. – Все как всегда....

– Эй! – меня жестко потрянули за плечо. – Эй!

От очередного рывка голова на тощей шее мотнулась, и я опять врезался затылком в стену.

И тут у меня в голове что-то лопнуло.

Точно лопнуло... уверен в этом...

Мутная слезливая пелена пропала. Я снова видел ясно и четко, снизу вверх глядя на злобное лицо Роппа.

– Очнулся? – обрадовался тот появившейся в моих глазах осмысленности. – Очухался?

– Очухался, – медленно кивнул я, подбирая под себе ноги и сжимаясь в плотный комок у стены.

Заметив мои движения, Ропп насмешливо оскалился, давая понять, что видит мой страх, но больше бить не будет:

– Давай, дружище грязомес. Подтверждай. И мирно разоидемся. Я ведь не ломал твой фонарь, верно? И ты сам упал, да? Ведь так все было?

У меня в голове что-то лопнуло... да... я прямо чувствую, как в моей голове лопнуло что-то давным-давно надувшееся... и теперь мой мозг тонул в леденяще-холодной и почему-то колючей серо-красной тягучей жиже... Эта жижа уняла мой страх. И она же обесцветила мой внутренний мир, ярко при этом выделив что-то вроде пульсирующего энергетического кома безумной злости, смешанной со странным желанием сделать кому-то очень больно...

– Ведь так все и было, Амадей? Верно? Ты сам упал, да? Упал неловко и расшибся...

Растянув губы в удивившей меня широкой злобной ухмылке, я покачал головой:

– Нет, сука Ропп. Все было не так.

– А? – он удивленно отшатнулся, но тут же вновь согнулся, приближая ко мне ощеренное лицо. – Че ты вякнул?

Я плюнул. Плюнул прямо в его харю. А затем резко выпрямил согнутые ноги, вбивая пятки ему в пах. Еще до того как он заревел от боли, я успел ощутить невероятное и прежде никогда не испытанное удовольствие от намеренного причинения кому-то жгучей боли. Такой боли, какую до этого всегда причиняли мне...

– Ыэ-э-э!

Я ударил еще раз – обдирая спину о влажную стену, причиняя боль самому себе, я опять ударил обеими пятками. На этот раз удар пришелся ему по бедру – сильному накачанному бедру сытого ублюдка. Удар оказался смазанным, но этого хватило, чтобы орущий Ропп упал.

Он упал. А я поднялся. Качнувшись, я оттолкнулся от стены и, продолжая ощущать серую пустоту в голове – там, где что-то лопнуло – изо всех своих невеликих сил пнул ублюдка в лицо, угодив ему старым рабочим ботинком точно по губам и носу.

– Ы-м-м-м-м!

– Эй! Прекратите!

По коридору торопливо бежала плечистая невысокая женщина в сером комбинезоне. Издалека можно было заметить светящуюся повязку Охраны на ее правом рукаве.

– Уже прекратил, – улыбнулся я, вскидывая руки и показывая пустые ладони. – Здравствуй, Клора. Как твои дела?

– Амадей?! – от изумления ее голос задрожал. – Ты и драка?

«Так получилось, но никто не виноват», – именно эта фраза всплыла в моем привычном к трусости мозге. Но вслух я произнес кое-что совсем иное:

– Драка? – удивился я. – Никакой драки нет, Клора. Тут умышленная порча чужого имущества, а затем нападение, угрозы и выбивание из меня лживого признания.

– Шутишь? – изумления в ее голосе прибавилось, она недоверчиво заглянула мне в лицо. – Амадей... ты уверен в своих словах, сурвер? Даю шанс изменить их... иначе придется отвести вас обоих сам знаешь куда, – ее рука опустилась на висящий на поясе игстрел.

Хорошая штука этот игстрел МММ – малая модель Мурроса. А оружейник Муррос плохих вещей не делал – да будет ему грибница пухом.

– Амадей! Амос! Слышишь меня?

– Да, – очнулся я и... снова удивился.

Раньше бы я уже торопливо кивал, боязливо поглядывая на облеченную немалой властью суровую охранницу. Хотя нет. Я бы не кивал, а отрицательно мотал головой, отказываясь от недавно произнесенных слов. Еще через пять минут я бы уже бежал прочь по коридору, чувствуя, как по ногам стекает горячая моча. Да... я бы уже обоссался, понимая, что сделает со мной Ропп, когда придет в себя и найдет способ оказаться наедине со мной в темном закулке одного из коридоров...

– Слышу, – улыбнулся я и вытер мокрый от крови затылок. – Знаешь... у меня в голове что-то лопнуло...

– Блхх... – пробулькал Ропп и привстал на карачки. – Амос... молчи... сами все уладим. Миром уладим. Как всегда. Я забуду, что ты сделал.

Лживая сука... этот сурвер не забудет.

– Как всегда, – повторил я и покотился со смеху, упершись окровавленной ладонью в стену коридора. – Он сказал – как всегда. Знаешь что, Ропп? Эй... ты слышишь меня, Ропп? – настала моя очередь глядеть на ублюдка сверху вниз, и неожиданно мне это очень понравилось. – Эй!

Тот в ответ зло блеснул глазами, на миг скорчив ненавидящую гримасу. Но я не испугался. И понял, что Ропп кажется мне загнанной в угол злой и подлой крысой...

– Ты ушибся, пока мы дурачились, Амадей. Приходи в себя потихоньку. И уладим все тихо, – уже куда уверенней произнес парень, медленно выпрямляясь. – Добрый день, Клора. Ты не переживай – здесь все в норме. Мы просто упали...

– Мы просто упали, – оскалился я. – Не-е-е... ты ударил меня, тварь! Ты развернулся и ударил меня в лицо. Я отлетел, врезался затылком в стену и упал. Ведь так все было?

– Ребят, – устало вздохнула Клора. – Вам бы чуть успокоиться и обговорить все между собой. Ладно? А я пойду...

– Куда это собрался патрульный охранник? – изумился я так громко, что она чуть не подпрыгнула. – Разве это не нарушение ваших прямых обязанностей, патрульная Клора Ивенсон? Вы оставляете место преступления? Вот дерьмо... я в шоке... эй! Сурверы! Видите, что происходит?

Говоря эти слова я... улыбался. Улыбался так широко, что болели щеки и болели зубы – я стиснул их слишком сильно.

– Амадей! – одернула меня торопливо развернувшаяся патрульная. – Ты что?! Бед мне хочешь?

– А ты мне? Желаеть бед мне? Боишься проблем? Не хочешь связываться с толпой Роппа? – спросил я и зашипел от боли в затылке. – Не-е-е... с меня хватит...

Помолчав пару секунд, я кивнул и повторил:

– С меня хватит.

– К нам? – тяжело вздохнула охранница.

– К вам, – кивнул я ей. – К вам.

– Починю я тебе твой сраный фонарь, – торопливо забормотал Ропп, протянув ко мне руку. – И голову подлечим тебе. Случайно же все произошло. Так ведь? Случайно?

Это был мой последний шанс все уладить миром.

Миром... ага. Как же. Я знаю, как это – «миром». Я скажу под запись, что все случайно. Охранница уйдет. Уйдет и Ропп. Но никто ничего мне не подлечит и не починит. Хотя если меня затем спросят – я трусливо подтвержу, что все в порядке, мне, мол, починили фонарь, мне залечили затылок, и вообще – это я во всем виноват. А затем меня избьют. Избьют страшно. Я видел, как эти твари избивают беззащитных жертв вроде меня. Следов почти не остается, ведь все повреждения внутри. Они подхватывают за руки и ноги и с силой опускают задом на пол, отбивая ребуху, а порой ломая кости. Один удар – и ты калека. Хотя если я пообещаю откупиться, а затем предоставлю кому-нибудь из кодлы все свое имущество, а также гостеприимно подставлю задницу под член одного из любителя подобных забав... да... тогда со временем меня простят.

И да – так бы я и поступил, наверное. Не знаю. Про требование «отдать жопу» я слышал, но самого меня эта участь пока обходила стороной – я умею жить тихо. Умел... но сегодня у меня что-то лопнуло в голове...

– Мне надоело, – признался я, – Надоело... Ты, сука, взял и сломал мой фонарь... сначала забрал... потом не отдавал неделю... а вернул сломанным. Выломано гнездо подзарядки, треснул пластик корпуса... Дерьмо! Налобный фонарь – мой главный инструмент... я без него

работать не мог... я на него молился... а ты, сука... взял и сломал... а затем разбил мне затылок... а затем угрожал...

– Эй... эй... погоди... Говори меньше. Сам же понимаешь – не надо тебе этого дерьма, – в голосе Роппа снова возникла шипящая угроза.

– Мне надо это дерьмо, – ухмыльнулся я и, похоже, вышло так безумно, что они оба отшатнулись. – Мне очень надо это дерьмо. Требую записи, патрульная Клора Ивенсон! Включите запись!

– Амадей! Не надо! – рявкнул Ропп.

– Официальная запись! Требую ее!

– Требование выполнено. Запись включена, – покорилась неизбежному Клора.

Едва на вытянутом в мою сторону экране сурвпада зажегся красный квадрат, я заговорил:

– Я сурвер Амадей Амос! И я требую разбирательства! Я в своем праве! И требую справедливости по нашим законам! Я обвиняю Роппарга Мазари в порче моего имущества и в нападении на меня! Я готов повторить свои слова где угодно и кому угодно!

– Вопрос под запись, – голос патрульной стал бесстрастным. – Сурвер Амадей, готов ли ты предстать перед справедливым судом с подключением к системному анализатору, дабы доказать свое обвинение?

– Я готов к детектору лжи, – спокойно кивнул я. – В любой момент!

И тут Ропп сломался окончательно. Подскочив, вклинившись спиной между мной и патрульной, он испуганно и торопливо забубнил:

– Эй... братишка... постой... не делай этого. Сам подумай – зачем нам связываться с патрульными? Я же признал вину. Ты меня знаешь – мое слово закон. Обещал – сделаю.

– Твое слово дерьма не стоит, – ухмыльнулся я, и меня затрясло от желания схватить что-нибудь тяжелое и начать колотить по башке Роппа так долго, пока не разобью ему череп. – Ты сломал мой фонарь...

– Да что с тобой такое?! – в голосе парня звучало изумление, он никак не мог поверить, что такое трусливое и покорное говно, как я, какой-то сраный чмошный чистильщик смог доставить ему столько неприятностей.

– У меня в голове что-то лопнуло, – откровенно признался я и постучал себя пальцем по виску. – Мозги залило гнойным дерьмом... Голова гудит. Я хочу убить тебя. Голова шумит. За глазами что-то щелкает. Кажись, чуток подташнивает... Да... точно... я убью тебя, Ропп. Клянусь. Я убью тебя. О... слушай... ты пробовал сегодня грибы в столовке? Опять недосолено? Что за кашевары там?

– Холисурв, – Ропп выпучил глаза и чуть отступил. На его лице возникло облегчение. – А может ты просто спятил, когда случайно упал?

– Ты врезал мне. Врезал подло. Исподтишка. Как крыса! – прошипел я. – И я ударился затылком о стену. Ты разбил мне затылок. А может у меня кровоизлияние в мозг от твоего удара, а? Ни хрена себе... это ж если я сдохну – тебе конец! За убийство – смерть!

– Эй!

– А как же долбаная поговорка «сурвер сурверу брат»? – глумливо поинтересовался я.

– Я возьму твой ущерб, брат! – чуть ли не завыл Ропп, брызгая кровавой слюной. – Я возьму твой ущерб! Фонарь? Будет тебе новый! Как насчет «Эго Мурроса?». У меня с собой! Только из починки забрал. А? И сверху отсчитаю тебе, – он торопливо порылся в карманах и протянул на вытянутой ладони несколько овальных монет. – Вот! Семь динеро! За то, что я случайно толкнул тебя и разбил тебе затылок.

Сначала я хотел выбить у него эти чертовы деньги из руки, но меня остановило что-то властное, что-то вдруг ожившее в моей голове.

– Десять динеро, – улыбнулся я, не разжимая губ. – И фонарь. Прямо сейчас. И под запись подтвердишь, что отдаешь мне это все добровольно и в подарок, а не в долг. Отдаешь как компенсацию моих убытков. Так?

– Так, – торопливо кивнул Ропп. – Десять динеро и мой фонарь. Под запись на мой сурвпад.

– Под запись на сурвпад патрульной Ивенсон, – поправил я, и моя улыбка опять поплыла, становясь неконтролируемой.

В ушах пульсировал шум крови. Сердце колотилось, но не от страха, а от желания продолжить драку.

Драку!

Я! Амадей Амос, известный по таким нелестными прозвищам, как Анус и Терпила... И вдруг я хочу драться? Нет... не драться... я хочу резать этого ублюдка, хочу ломать ему кости, хочу прыгать на его трещащей голове.

– Под запись на сурвпад патрульной Иверсон.

– И вон того дежурного офицера, – вытянув руку, я указал окровавленным пальцем на приостановившегося на ближайшем перекрестке недоумевающего Чопа – черного как смоль сержанта Внутренней Охраны.

– Да, – скрежетнул зубами Ропп. – Да...

Подступив к нему поближе, я спросил:

– Боишься ауру запятнать, гнида? А?

– Хватит тебе уже, – прошипел парень, сжав кулаки и явно сдерживаясь изо всех сил. – Хватит! Бери компенсацию, и закроем дело.

Значит, слухи были верными – Ропп собирался проситься в Охрану, а туда даже на собеседование берут только тех, кто не запятнал свою ауру за последние пять лет. Он сделает многое, чтобы не посадить темного пятна на старательно оберегаемую репутацию.

– Закроем дело, – кивнул я, протягивая руку и забирая сначала деньги, а затем фонарь.

Все это время я с холодной задумчивостью смотрел в глаза Роппа, и... тот дрогнул, вильнул взглядом, уставился в стену. На его лице отчетливо читалось искреннейшее недоумение, и он явно боролся с желанием дать самому себе пощечину.

Я его понимал. Звучит как бред сумасшедшего – трусливый чмошник Амадей вдруг начал качать свои права. Вдруг ответил ударом на удар...

– Да, – кивнул я и, придвинувшись еще ближе к уху Роппа, прошептал: – Я еще подумаю, рыба ты падаль. Я еще подумаю, не убить ли тебя где-нибудь в темном углу...

Его рука запоздала упала на экран сурвпада – собрался врубить запись, но опоздал и лишь вздрогнул испуганно, а затем, спохватившись, с привычной умелостью зло нахмурился, набычился.

– Нет, Ропп, – я с усмешкой покачал головой. – Нет. Поздно. Я уже понял, что ты не мужик. Ты не сурвер! Ты говно!

– Эй! – между нами вклинилась патрульная, спохватившаяся, что давно потеряла инициативу, а тут еще и начальник уже подходит. – Раз все уладили миром – предлагаю записать ваши обоюдные извинения, парни. И на этом закроем конфликт раз и навсегда – как и положено у сурверов Хуракана! Да?

– Да, м-э-эм... – с неумелой брутальностью протянул я. – Включите запись, офицеры. Сурвер Ропп желает сделать искреннее заявление...

Когда на экранах сурвпадов патрульных зажглись красные квадраты, Ропп, скрипнув зубами, заговорил. Он не улыбался – сурвпады сейчас записывают только аудио, так что он мог сохранять свое искреннее выражение лица, и на нем отчетливо отражалось злобное обещание жестоко отомстить. Это понимал не только я – понимали и патрульные, но им не с руки свя-

зваться с кластером Роппа. Его большая и мощная группа имеет немалое влияние на нашем этаже.

* * *

– Мне конец, – задыхаясь, пробормотал я, привалившись к бетонной стене с рисунком величественной заснеженной горы. – Мне конец. Они убьют меня... вот дерьмо...

Что я наделал?!

– С-сука – выдохнул я и, скользнув плечом по стене, побежал дальше.

– Амос!

Споткнувшись и едва не упав, я остановился и заглянул в нишу-закуток в стене, где раньше был установлен торговый автомат, выдававший подслащенную газированную воду. Автомат давно исчерпал свой ресурс, и девять лет назад его демонтировали, отправив на запчасты. А освободившуюся нишу облюбовал Культ, устроив здесь дорожную молельню и гадальню. Тут же можно было пообщаться со своими прямыми предками, если у культисток имелись запасы экспульсо, что некогда было именно твоими предками исторгнуто. Порой мне казалось, что запасы Кюльта неисчерпаемы...

Смерив меня пристальным взглядом, седовласая культистка Сувонн набросила на голову черный старый платок. Поднятая движением воздушная волна ударила мне в лицо резким запахом экскрементов, мяты, шалфея и лимона. Костистый длинный нос старухи, украшенный багровой опухолью, что полностью перекрыла левую ноздрю, уставился на меня. Глаза скрыты сумраком, уголки губ опущены, сразу ощущается неодобрение. Когда она заговорила, я понял, что мои подозрения оправдались.

– Вчера я случайно – будто сами предки подтолкнули мою руку – уронила в кадило крупицу экспульсо твоего прадеда Аммоса... он со стоном поведал мне, что огорчен поведением своего правнука Амоса... ведь правнук давно уже не жертвовал ни единого динеро на благо Кюльта Экспульсо...

– Мне некогда, – бросил я и снова двинулся по коридору.

Икнувшая от неожиданности старуха злобно закаркала мне вслед:

– Отворачиваешься от мудрости предков, мальчишка?! Пожалеешь!

– Мальчишка?! – пробормотал я, задыхаясь. – Мальчишка?! Сука! Мне скоро двадцать пять! За что мне жертвовать свои динеро?! Вы мне помогаете? Нет!

Как-то я повелся на слащавые речи старой Сувонн. У меня тогда украли сумку с инструментами. Ничего особенного в сумке не было – гаечные ключи, несколько отверток, плоскогубцы, клещи и немного мелочевки. Но эта сумка мне досталась от деда. Ведь я наследовал его имя – Великое имя Амадей.

Амадей Амос.

Главный чмошник убежища Хуракан...

Когда уже кончится радиоактивное безумие там наверху? Может, там у меня больше шансов стать кем-то, а не быть просто ничтожеством здесь? Почему я такой никчемный?!

Проклятье...

В тот раз я пожертвовал Кюльту с огромным трудом скопленные тридцать динеро. Я знал, что культистки при желании могут отыскать что угодно. Я попросил отыскать отвертку. Большую старую отвертку с синей ребристой ручкой, с плоским многократно точеным острием, с выжженной раскаленным прутком надписью «Амадей». Считаю, фамильная реликвия. Культистки пообещали помочь. И нихрена не сделали... потом уже мне тихо шепнул один знакомый старикан, что те, кто тиснул мою сумку с инструментом, тоже сделали пару подарков Кюльту...

Урок я усвоил.

Мудрость предков? Да пошли вы на хер! Напрямую я этого вам не скажу, но блеск моих динеро вы, твари, больше не увидите!

Хотя чего я тут храбрюсь? Мне завтра проломают голову парни Роппа. От него самого я может и обезопасился на некоторое время. Но он уже среди своих и рассказывает им прямо сейчас, какую подляну устроил ему долбаный Амадей. Скоро за мной придут...

Мне будет больно?

«Больно? – с насмешливым презрением кто-то хохотнул в моем мозгу. – Слабак!».

– Слабак, – повторил я и скривился, схватившись за стрельнувший болью мокрый затылок. – Дерьмо!

В голове снова вспух серо-красный ком злобной и почти неконтролируемой ярости. С хрипом выдохнув, я неумело выбросил руку и впечатал кулак в бетонную стену. Ай... больно... но эта вспышка боли чуть отрезвила меня.

– Сдохну так сдохну, – пробормотал я. – Сдохну так сдохну, сука! Раз мне все равно конец – я не буду бояться! Не буду!

Заставляя непослушные от пережитого стресса и голода ноги двигаться быстрее, я проковылял третий и второй перекрестки. На первом, крайнем на нашем этаже, я свернул, оказавшись в достаточно широком общем холле, где с хорошо продуманной предками якобы хаотичностью были расставлены группки жестких, но достаточно удобных и уж точно неубиваемых скамеек. На одну из таких я и упал, слепо уставившись на давно умерший стенной экран. Даже этой радости у нас больше нет...

– Куда мне спрятаться? – вопрос вырвался у меня из горла всхлипывающим комом. – Куда заныкаться?

Вопрос был важным – наш Шестой этаж изолирован уже третью неделю. Мы на карантине.

Серая себорей.

Перхотная чесотка.

Наклонив голову, избегая трогать рассеченный затылок, я хорошенько прошелся пальцами по отросшим волосам. Вниз посыпался дождь серых чешуек, воспаленная от постоянного расчесывания кожа полыхнула жаром. Я заражен. Какой-то чертов вирус бродит по Шестому этажу, поражая одного сервера за другим. Такое уже бывало. Последний карантин длился неделю, тогда был заражен Пятый этаж, и пока там не победили заразу – двери к лифтовому створу не открыли. Но на Пятом нормальный смотрящий. Смотритель Кресс. Очень дельный сервер, жесткий и правильный. Стоило ему раз сказать свое слово – и там все тут же побрились налысо, причем на всех частях тела. Никто не прекословил Крессу. Потому и карантин у них закончился всего через неделю.

А мы...

Мы уже третью неделю закрыты. И наш смотрящий Руй... он мягкий. Авторитета не имеет. Стоило ему заикнуться о тотальном бритье голов, как тут же поднялся хай на всем Шестом. Визжали женщины, особенно голосили молодые и красивые. Протестовали и мужики, успевшие отрастить волосы до плеч – подражая одному из наших знаменитых предков Блонду Питерсону. И вот мы сидим... мажем голову странными мазями, что воняют чем-то едким и жгут кожу почище огня. Да и то... кто-то мажет, а кто-то нет...

Я вот не мажу. И волосы не обрил.

Почему?

Почему?

– Потому что я трус, – прошептал я, обхватывая зудящую голову ладонями. – Потому что я трус... слабак... я фуфловый сервер...

Я ведь собирался пойти в парикмахерскую старого Бишо. Смотритель объявил, что все, кто хочет постричься под машинку, могут сделать это бесплатно, да еще и получат взамен

отрезанных волос десяток хороших стеблей зеленого лука и столько же укропа. Это выгодная сделка – во всяком случае, для меня. И я ведь даже пошел стричься... но на полпути меня остановили две девки из группировки Шестицветик. И оставили мне синяк на ребрах – ткнули концом пластиковой дубинки. Там полно обезбашенных баб, что крайне гордятся своей вседозволенностью, длинными волосами, странными нарядами и наплевательским отношением к личной ауре. Это мне с Роппом повезло, что он спит и видит, как бы свалить с нашего Шестого. Чтобы подальше от технических уровней. Чтобы подальше от того запертого и официально больше не существующего этажа. Чтобы поближе к тем, кто рулит нашим убежищем Хуракан... Поддерживаемый своей группировкой Ропп пытается выстроить себе радужное сурверское будущее...

– А я трус, – повторил я, и моя рука еще раз потеряла саднящие от обидного удара дубинкой ребра.

Передернув плечами, я мотнул головой, сбрасывая с лица грязные пряди сальных перхотных волос, и... задел затылком спинку скамьи. Перед глазами тут же полыхнул миллион искр, я глухо застонал от боли и сам не понял, как мой стон перерос в глухое злобное ворчание.

Трус! А теперь и смертник! Ничтожество!

Вскочив, я скользнул взглядом по указателям на стене – автоматическое ненужное действие, ведь я знал тут каждый уголок с детства – и перешел на бег, торопясь добраться до места, до того как злобная решительность испарится и перестанет подпитывать мою ничтожную душонку слабака.

– Лук, – выдохнул я на бегу. – Я хочу пожрать зеленого горького лука...

Пару раз свернув, оббегая по периметру четвертый торговый куб, я увидел нужную мне пластиковую вывеску и перешел на шаг. Промедление оказалось ошибкой – с другой стороны широкого коридора-проспекта ко мне шагнули две знакомые фигуры. Длинные волосы спадают до пояса, кожаные шорты и короткие топики, шипастые ошейники и браслеты, огромное количество татуировок, обильный макияж и гордо носимая эмблема группировки – шести-лепестковый красный цветок.

– Куда торопишься, вонючка?

Я по привычке вжал голову в плечи и ускорился было, но серо-красная пелена перед глазами и пульсирующая головная боль заставили меня остановиться и широко улыбнуться той, что произнесла эти слова.

– Вонючее здесь только одно – твоя жопа.

Высказавшись, я смерил взглядом замерших девиц и спокойно вошел в пустующую парикмахерскую, где перед четырьмя тусклыми от возраста зеркалами стояли столь же старые кресла. В одном из них терпеливо ждал клиентов Бишо – невысокого росточка идеально выбритый старик с аккуратной армейской седой стрижкой. Бишо на нашем этаже уважали. В прошлом он служил в Охране Периметра, не раз покидал пределы убежища, отправляясь на разведку в подземные карстовые пустоты, что окружали нас со всех сторон. В последней вылазке он потерял кусок лица, левую ступню и обоих сыновей. Осиротев и похоронив умершую от горя жену в грибнице вместе с сыновьями, он занял ее место в парикмахерской и быстро освоил ремесло стрижки. Пусть он больше не состоял в рядах Внешней Охраны, но бывшие сослуживцы его по-прежнему поддерживали. Все знали – старого Бишо лучше не трогать. Поэтому он все еще работал. Поэтому группировка Шестицветик боялась угрожать напрямую старику, предпочитая отваживать от него клиентов.

– Славного и долгого! – поприветствовал я старика универсальным и достаточно вежливым у нас способом.

– Экодар грядет! – куда боевитей отозвался бывший служака.

– Как твои дела?

– Мои-то ничего... а вот твои, я вижу, заканчиваются?

– С чего бы? – спросил я, опускаясь в кресло.

– Слышал я твой комплимент, подаренный той красавице за стеклом, – ножницы Бишо указали на витринное стекло.

Почти прилипнув к нему, там стояла со злобной рожей девка из Шестицветика, что назвала меня вонючкой и получила отпор. Ну и гримаса... пару секунд поглядев на нее, я соорил точно такую и с ухмылкой бешено завращал глазами. Отпрянув, она ошеломленно уставилась на меня – на трусливого чмошника Амоса, что никогда бы не решился на подобное.

– Ты часом не принял чего... бодрящего?

– Не, – покачал я головой. – Я чист. Давай, дружище, стриги смело.

– Прямо под машинку?

– Ага, – кивнул я. – Прямо под машинку. Только затылок...

– Вижу. Там буду осторожней. Спрошу последний раз, солдат – ты уверен?

– Да, Бишо. Я уверен...

– С тебя спросят. Я тебя прикрыть не смогу, сам понимаешь.

– Я не боюсь, – устало улыбнулся я. – Я правда не боюсь, Бишо. Может, я свихнулся?

– А может ты стал мужчиной?

– Смешно...

– Все мы взрослеем по-разному, – машинка в руке старика тихо зажужжала и вгрызлась в мои волосы на макушке. – Кто-то раньше, кто-то позже. А кто-то никогда. Я смогу кое-что сделать для тебя – скажу им, что ты упал, ударился головой, был чуток не в себе, попрошу тебя не трогать...

– Нет! – отрезал я и сам удивился, насколько решительно это прозвучало. – Я сам разберусь!

– Убьют... сколько у нас камер наблюдения на Шестом? Одна между третьим и четвертым торговыми кубиками. Еще одна у лифтового створа...

– И одна в СоцСикс, – закончил я за него. – Знаю.

– И они знают.

– Плевать. Я... я не знаю, как объяснить, Бишо... но я просто устал.

– Устал от чего?

– Я устал бояться. Устал быть чмошником. Устал получать от всех пинки и устал с боязливой улыбкой спрашивать – не ушиб ножку, пиная меня по лицу? Закончил? Или пнешь еще разок? Давай смелей – пинай. Я никому не скажу. Никому не пожалуюсь...

– Ты рос без отца, – тихо обронил старик.

Глядя, как на мою прикрытую накидкой грудь падают грязные пряди волос, я грустно усмехнулся:

– Нет. Я рос с отцом. Он до сих пор живет по соседству.

– У него вроде как не сложилось с твоей матерью...

– Ага. И поэтому он постоянно выбивал из нее дурь. Прямо при мне. А затем переключался на меня. Прошли годы... и вот он счастливо живет с другой женщиной, а моя мама умерла.

– Ее забрал рак.

– Виноват отец, – покачал я головой. – Слишком много побоев. Слишком много стресса, ужаса и страха за меня... Ее организм просто сдался... Она устала и хотела умереть. Знаешь... в жизни моей мамы никогда не было счастья... каждый ее день был чернее черного... сплошной гребаный мрак, пропитанный страхом...

– Амос...

– И всем было плевать... всем было насрать... они знали, что отец делает с ней. Делает со мной... и они молчали... просто отводили глаза...

– Амадей... не стоит винить...

– Ты прав. Не стоит винить отца. Это я виноват, что позволил так обходиться с мамой. Я виноват, что просто смотрел, как он колотит ее кулачищами, а она машет мне рукой, приказывая убежать... – медленно сжав кулаки, я кивнул. – Да... это я виноват. Ты закончил, Бишо?

– Закончил. Распишись вот тут.

Мне под руку подсунули папку с зажатым в ней исцарапанным листом многоцветной пластиковой бумаги. Вынув из держателя пишущую ручку с зеленоватыми органическими чернилами, я разборчиво и неторопливо написал имя и фамилию, а затем расписался.

Амадей Амос. Услуги парикмахерской получены. Претензий не имею.

– Выпьешь кофе? Имитация, конечно, но есть подсластитель.

– Выпью. Без сладости, – односложно ответил я и указал на главное украшения заведения: – Можно?

– Конечно! Я тебе и пару стеблей еще докину. Уверен насчет подсластителя? Лук горек...

– Горькое к горькому, – усмехнулся я, медленно проводя ладонью по голому рассеченному затылку. – У меня в голове голос, Бишо.

– Да? – удивленно глянул на меня наливающий кофе старик. – Может, просто звон? Ты не рассказал, как получил рану.

– Ропп толкнул меня, и я ударился о стену.

– Вот ублюдок! Дерьмод!

– Голос в моей голове... раньше его никогда не было.

– Что за голос такой, Амос?

– Мой голос... похож на мой... но куда более злой. Голос спрашивает меня...

– Что-то пугаешь ты меня, – вздохнул Бишо и, хромая, понес мне тарелку с пучком зелени и кружку черного кофе. – Держи, покрепче сделал. Взбодриться тебе не помешает. Ты уже надумал что делать со ждущими тебя снаружи злобными принцессами?

– Этот голос в моей голове... вот сейчас опять... он снова спросил. Он спросил меня, почему я не убил гребанного Роппа, что ударил меня головой о стену. Он спросил, почему я не расколотил голову того сучьего ушлепка о пол коридора прямо там? Почему я не вырвал дубину у патрульной Ивенсон и не заколотил ее ей же в глотку по самую рукоять – чтобы впредь она не пыталась замаять ненужные ей проблемы... Этот голос спрашивает меня, почему какие-то суки имеют право не разрешать мне стричься, как я хочу и когда я хочу. Почему я должен их бояться? А может вспороть вон той наглой суке брюхо и посмотреть, как с ее лица пропадет улыбка?

– Холисурв... Амос! Эй!

– Голос спрашивает, – прошептал я, медленно жуя зеленый лук.

По моим губам стекал горький сок, пряность укропа покалывала язык, и мне было хорошо. А обжигающий глоток кофе сделал все еще лучше. Подняв лицо, я встретился взглядом с ухмыляющейся бабой за стеклом и, скривив зеленые губы в усмешке, провел пальцем себе поперек горла. Девка за стеклом вздрогнула, смешалась, невольно отступила назад. Я же медленно кивнул, подтверждая показанное. Я убью тебя, сука...

Закинув в рот остатки лука, прожевал, допил кофе и поднялся.

– Бывай, Бишо. Спасибо за стрижку, сурвер.

– Амос... слушай... давай я с ними поговорю? Я же вижу – ты не в себе. Расшиб голову, встряхнул чуток мозги. У тебя пелена перед глазами. Потемки в душе.

– Не-е-е, – покачал я головой. – Наоборот. Потемки и туман у меня были, до того как меня ударили затылком о стену. Бывай, Бишо...

– Выйдешь за порог – и я не смогу тебе помочь.

– Ага, – буднично кивнул я и шагнул наружу.

– Ты! – ткнула в меня пальцем та, что была поплотней, помясистой, не обращая внимания на то, что подруга дергает ее за руку. – Сюда живо! Тебя пора поучить жизни! Забыл, кто ты есть, Анус?!

– Анус, – повторил я с усмешкой, послушно шагая за пятящимися девками в темный отворот, где уже давно погасли умершие лампы. По словам мамы, раньше там был закуток-кондитерская, где она когда-то лакомилась профитролями. Знать бы еще, что такое профитроли...

– Че ты там нам вякал, ушлепок?!

– Ты мне?

– Н-на!

Брошенный ею тяжелый резиновый шар ударил меня в щеку. Я успел чуть отвести его рукой, заметив что-то вроде черной вспышки в воздухе, и мяч не попал мне по носу. Какой я везучий...

– Держи второй!

Шатаясь от разорвавшей голову и лицо боли, я качнулся вперед, сквозь красную пелену перед глазами глядя на несущийся ко мне кастет. Удар... разодравшая вторую щеку боль была уже не такой сильной, но ноги почему-то подогнулись, и я начал заваливаться.

– Сзади его!

Удар...

И мой затылок взорвался как одна из уничтоживших старый мир атомных бомб. Серо-красная бомба лопнула... уверен, что стены забрызгало...

– Охереть, – рассмеялся я, стоя на карачках. – Охереть...

– Вот сука! Он еще ржет! Колли!

– Суки, – выдохнул я, выбрасывая обе руки назад.

Ладони сомкнулись на зеленой рукояти, и жало отвертки ударило чуть повыше голенища ботинка, глубоко уходя в мясо.

– А-А-А-А!

Выдернув отвертку, я тут же ударил снова, действуя с удивительной быстротой и точностью. Второй удар пришелся точно в выпирающую на коже вену, перебив ее.

– Мама! Мама! – удивительно тонко пискнула девка, падая на жопу и хватаясь за пробитую ногу. – Мамочка!

– Ах ты мразь!

Упав на бок, я почти избежал удара по ребрам. Отмахнулся окровавленной отверткой и промазал. Но меня это не смутило – шатаясь, сплевывая горькую луково-кофейную слюну, я поднялся и шагнул к оставшейся противнице. Та умело отпрыгнула назад, выхватила из поясной сумки черный шар.

– Банси врежет тебе! Бойся!

– Бойся, – повторил я, делая еще один шаг.

В ее второй руке появился нож. Не слишком длинный, но явно очень острый. Она сделала пару резких взмахов, и я понял, что прежде чем дотянусь до нее, она порежет меня на лоскутки. Ладно... развернувшись, я шагнул ко все еще визжащей суке и воткнул отвертку ей в шею. Воткнул удивительно спокойно, действуя с размеренностью автомата. Воткнул неглубоко, остановившись, когда рукоять отвертки вдруг запульсировала у меня в руке – слабые толчки, но в бешеном ритме.

– А-А-А!

– Я слышу твое сердце, – оскалился я, и с разодранной щеки и подбородка полетели капли крови. – Тук-тук... тук-тук-тук... Нажать сильнее?

– Пожалуйста! Пожалуйста!

– Да что ты делаешь, мерзавец?! – заорала отскочившая Банси, убирая нож обратно в горизонтальные ножны, замаскированные под часть пояса шорт. – Охренел совсем?! Мы просто хотели поучить тебя чуток!

– Нажать? – я задумчиво склонил голову, и кровь из щеки потекла сильнее. – Не нажать...

– Давай замнем?! А?! Хватит! Стопорись! Мы просто шутили, понимаешь?! Амос! Амос!

– Ты знаешь, как меня зовут? – изумился я.

– Знаю! Амос Амадей! Наследник одного из Великих имен Хуракана! Знаю, как тебя зовут!

– Еще раз полезете ко мне... и я убью, – тихо пообещал я, морщась от протестующе пульсирующей боли в затылке. – Я... убью вас всех, суки! Убью! Поняли?

– Да! Да! Вытащи чертову отвертку из ее шеи!

– Пожалуйста! Мужик! Вытащи! Амос! Ты доказал – ты мужик! Ты охереть какой крутой мужик!

– Еще раз полезете – убью, – повторил я, глядя в глаза второй девки. – Порву!

– Я... я поняла! Услышала тебя!

Мягко поведя рукой, я вытащил ставшую скользкой отвертку.

– Оу... – облегченно заплакала шестицветная сука, заваливаясь набок. – Оу... оу...

– Спасибо... Спасибо, Амос!

Не ответив, я побрел прочь, придерживаясь рукой за стену. И я почему-то был уверен – в спину мне ничего не прилетит.

Закончен ли конфликт? Да хер там. Это просто передышка. Обернувшись раз, я глянул назад, но смотрел не на возящихся на полу девок, а на стоящего за витриной старого Бишо, прижавшего к стеклу обе ладони и неотрывно глядящего на меня. Отвернувшись, я продолжил свой хромающий путь, а серая тьма у меня в затылке ритмично пульсировала – прямо как та хрень внутри проткнутой шеи. Я легко перевел эту пульсацию на обычный язык. Серая тьма радовалась моим делам... одобряла их... и желала продолжения...

– Тук-тук... – произнес я в пространство, скользя красной от крови рукой по стене. – Тук-тук-тук... тук-тук...

Глава вторая

Слабость, противная, холодная, липкая и дрожащая накатила на меня в крохотном умершем скверике с пыльными пластиковыми макетами деревьев, что заменили настоящие. На нашем уровне живых растений нет – наш этаж потерял на них право. Свежий – относительно свежий – воздух поступал через решетки вентиляции. Как же я ненавижу эту вентиляцию – источник моих заработков и страхов...

Страхов...

Сколько же у меня страхов? Я боюсь всех и всего. Всего на свете... я просто ничтожество.

Странно, что я думаю об этом. О своем статусе я знаю уже давно – сверстники еще с ранних лет вдалбливали мне это в голову насмешками и ударами. И у них получилось вбить эту истину так глубоко, что она стала частью меня.

Упав на бетонную скамью, согнувшись, уперев локти в бедра, я замер, силясь не уронить гудящую от боли и пережитого голову.

Что я творю?

Я сошел с ума?

– А почему нет? – услышал я чуть насмешливый голос.

Мне потребовалась пара секунд, чтобы понять – это говорил я. Я произнес эти слова вслух. И едва произнес, как тут же испытал... предвкушение. Предвкушение... боли...

Да. Не знаю почему, но я твердо был уверен – сегодня мне будет больно. Очень больно. И эта боль мной ожидаема.

Могу ли я избежать этого?

Могу. Еще как могу. Ведь я отлично умею униженно улыбаться и щуриться в ожидании небрежного удара.

Сурвер с Великим именем. Дерьмо на палочке...

Сурвер, что еще до рождения выиграл в лотерею – получил право на это долбаное Великое имя Амадей.

Как гордился тогда еще не спившийся отец. Как плакала мудрая мама, понимающая, что это имя нахрен никому не надо, но все равно вызовет зависть ко мне, а с ней и проблемы...

Хотя это даже не имя, а фамилия!

Амадей!

– Хватит ныть... – рассмеялся я, застывшим взглядом сверля пол. – Хватит ныть...

Да...

Хватит ныть. Да я и... не хочу ныть, если уж признаться самому себе. Сейчас я это сделал больше по намертво въевшейся привычке – ребята, не надо! – но мне уже не страшно.

Слабость? Она есть. Да – противная, да – липкая и холодная, но это не от страха. Это от недавней встряски, что, кажется, сожрала все запасы калорий в моей крови. Ноги подкашиваются.

Запустив испачканную подсохшей кровью руку в карман длинных джинсовых шорт, чтобы были мне слишком велики, я достал приберегаемое на вечер сокровище – кусочек соевого шоколада. Сорок три грамма. Вкуснятина внутри пластикового крохотного контейнера – многоразовая упаковка спасет этот мир! Нет одноразовому! Сурверы следуют заветам предков! Мы живы благодаря правилам! Мы живы благодаря правилам! Да-а-а-а!

Я хотел оставить шоколадку на тот случай, когда меня снова сильно обидят – сладкое помогало мне справиться с очередным приступом депрессивной тоски, когда так и хотелось содохнуть.

Сейчас я умирать не хотел. Но обогащенный растительным белком шоколад сожрал с жадностью. Выскреб окровавленными ногтями каждую крошку. Вытащив из другого кармана

отвертку, надолго уставился на ее плоский подточенный конец. Очнувшись, глянул на старые механические часы на стене и удивленно моргнул – я просидел так пять минут. И при этом у меня в голове не было ни единой мысли – раз уж я об этом не помню.

Глянув еще раз на круглый циферблат, я поднялся и снова удивился – ноги уже не дрожали, слабость исчезла. Я зашагал дальше по коридору, направляясь домой. И шагал я быстро – голова заработала непривычно четко, и я сразу сообразил, что вот-вот по мою душу явятся. Либо те, либо другие. Сегодня я со многими успел поспорить. Минутная стрелка на часах со щелчком переместилась.

– Механика лучше электроники, – фальшиво пропел я, и рана на щеке снова разошлась. – Механическое легче чинить! Помните, сурверы – электроника в быту недолговечна! Сурверы помнят заветы предков! Суть выживания – простота!

От меня кто-то испуганно шарахнулся, но я не обратил внимания, хотя машинально отметил, что встречный угрозы не несет. А еще я отметил, что рука автоматически сжалась на рукоятке отвертки.

Домой. Скорее домой, пока испуганные сурверы не вызвали охрану – тут неподалеку висят старые дисковые телефоны. Сообщить о шатающемся парне с окровавленным лицом труда не составит.

Просто и надежно! Крутани диск! 002! Назови номер аппарата или ближайшую настенную отметку – и помощь явится!

Плетясь вдоль стены, я провел красными от крови пальцами по еще одному очень хорошо известному мне слову.

– Россогор, – прошептал я всегда завораживающее меня слово. – Россогор...

В те времена, когда я еще был достаточно оптимистичным и порой улыбающимся, несмотря на затрешины судьбы, придурком, я верил, что однажды смогу стать историком. Нашим историком – сурверским. Я верил, что идеально изучу общедоступную историческую информацию, затем успешно сдам экзамены и получу доступ к следующему массиву данных. Это влекло меня. Притягивало как магнитом – наше прошлое. Прошлое всех людей. Прошлое сурверов. Мы выжили, и мы несем в себе воспоминания...

А затем я стал обычным черноработчим с Великим именем.

Великое имя Амадей, что угробило мою жизнь получше чем упавший на голову кусок железобетона. Это долбаное имя испортило мне жизнь. Сделало меня мишенью. Сделало объектом для насмешек и издевательств.

Эй, Амадей, а сегодня ты уже сделал что-то великое?

– Нет, – прошептал я, останавливаясь и с удивлением глядя, как мои грязные пальцы сжимаются в два кулака. – Нет! Хватит, Амос! Хватит! Вيني себя! Ты позволил им издеваться над собой! Ты разрешил им сделать из тебя мальчика для битья! Ты! Великое имя? Да в жопу! В жопу все имена мира!

Поморщившись от прострелившей голову вспышки боли – странно приятной, обжигающей – я зашагал дальше, старательно держась в сумраке у стены, куда почти не достигал свет редких ламп.

Экономия всего и вся – кредо сурвера!

Бережное отношение к ресурсам – бремя сурвера!

Великие имена...

Очередная иллюзия.

Каждый раз, когда в Хуракане рождался очередной маленький сурвер, все знали, что очередная лотерея не за горами. Главное, чтобы ребенок прожил целый год и доказал свою жизнестойкость. Главное, чтобы у него не было врожденных отклонений. Спустя год, после медицинского обследования, счастливые родители несли малыша на Третий уровень, где в специальном зале собирались такие же счастливицы. Включался старый электромеханический

автомат с большим рычагом. Вместе взявшись за рычаг, родители того или иного малыша опускали его. Со щелчками на экране начинали мелькать различные символы, изображения и прочее. А затем бам! – и вот он ваш беспроектный вариант, ваша награда за то, что доставили в этот мир очередного здорового сурвера.

Чаще всего призом была одежда, обувь, какие-то инструменты, бесплатное медицинское обслуживание, путевка в сады Эдем-14. Приз всегда был тройным – чтобы подарки достались каждому из родителей и самому ребенку.

Кто-то получал упаковку персикового мыла, набор гаечных ключей и годовой детский массаж – два раза в неделю.

А мы... Матери достался набор кисточек и красок для рисования, отец получил отличный крепкий рюкзак, а я... мне досталось гребаное Великое имя. Какая честь, мать вашу! Вау! Держите меня трое – а то от восторга я разобью себе голову о стену!

Головная боль стала сильнее, и я невольно рассмеялся, глядя на мир сквозь красную пелену. Да уж... сейчас до головы и дотронуться-то страшно, а не то что биться ей о стену. Один щелбан – и я рухну без сознания. Наверное... Сегодня я сам себя так сильно удивил, что теперь и не знаю, чего ждать...

– Домой, – произнес я, и мой голос так странно прозвучал, что в сторону шарахнулась очередная тень прохожего. – Домой...

С жильем мне повезло.

Оно находилось в спортивном крыле Шестого уровня Хуракана. Каждый этаж имел свой спортивный сектор, но ни один из них не мог похвастаться подобным размахом. И я знал причину такого масштаба – изначально Шестой сектор планировался как место проведения всех спортивных мероприятий Хуракана. Здесь должны были селиться тренеры, весь персонал, что отвечает за исправность сооружений, инвентаря и прочих жизненно важных мелочей.

Некогда эта часть Шестого была полузакрытым элитным местом, где нельзя было просто так получить, снять или купить жилье. Сейчас все изменилось. Каждый год Хуракан проводит здесь минимум три спортивных мероприятия, но это смешная пародия на прошлые времена, когда здесь с огромным размахом проводились официальные игры Сурвер-Олимпик-Хуракан.

Так я – как только нашел в себе достаточно смелости сбежать из отчего дома, а это случилось сразу после смерти матери – нашел себе для съема небольшую комнату там, где мне всегда нравилось находиться прежде.

Манеж.

Беговой овальный Манеж, чьи внутренние стены были двойными стенами огромного бассейна с подогреваемой водой. Раньше, когда у нас был собственный реактор, что с избытком снабжал Хуракан энергией, бассейн работал постоянно. Теперь же плавательный комплекс практически не работает.

Из пяти бассейнов три закрыто – включая тот, самый огромный. Функционировать продолжили подогреваемый детский, где взрослому по колено воды, и пятнадцатиметровый бассейн на четыре дорожки для взрослых. Все на платной основе, а не бесплатно как прежде. Вода подогревается почти условно, поэтому желающих заплатить деньги за возможность поплескаться в холодной воде не так много. Отключенные же бассейны выкупил один из великих сурверских родов и сделал там рыбные пруды. Там теперь целое хозяйство, где я бываю довольно часто – им постоянно требуются чистильщики вентиляционных запутанных ходов. Тем более и живу я поблизости.

Чтобы попасть к моему жилью, требовалось немного – пересечь все дорожки Манежа, что почти всегда пустовал, дойти до внутренней стены, вдоль нее пройти буквально десять шагов левее, где и будет моя дверь за номером 111. Вот только Манеж с его холодным воздухом и пугающим простором хоть и не особо привлекал гостей, там все же можно было наткнуться

на редких бегунов или прогуливающиеся по вечному кругу парочки. Поэтому сначала мне надо было чуток привести себя в порядок.

Свернув в небольшой тупиковой аппендикс коридора, я встал перед окошком в старой испаранной двери, позволяя себя увидеть через глазок, и трижды постучал. Звяканье заслонки, короткая пауза, и верхняя часть двери сдвинулась в сторону, открывая небольшой коридор, что был превращен в магазин на дому.

– Здравствуй, Галатея, – кривовато улыбнулся я. – Как мама?

– Амос! – пораженно выдохнула симпатичная девчонка, что была на пять с небольшим лет моложе меня. – Что с тобой случилось?

– Мелочи. Упал. Так как мама?

– Худо ей, – вздохнула Галатея, не выпуская из пальцев густые каштановые локоны. – Лежит.

– Ясно, – с пониманием кивнул я. – Сочувствую. Надеюсь, пойдет на поправку.

– Ну да...

– Не постриглась?

– Жалко, – призналась девушка. – И еще эти из Шестицветика...

– Суки, – буднично произнес я. – Тупые мерзкие суки.

– Тише! Ты чего?! Спятил?! А если услышат?

– Мне плевать, – с улыбкой произнес я чистую правду. – Галла... слушай... продай пластырь.

– Да я тебе бесплатно дам. Большой. Щеку закрыть?

– Ага. Но бесплатно не надо, – качнул я гудящей головой и положил на крохотный прилавок два динеро. – Мне два больших пластыря и три таблетки обезбола.

– Сейчас...

Опустившись к ящикам на полу, она потратила меньше минуты на поиск необходимого.

Приняв купленное, я с благодарностью улыбнулся и шагнул прочь:

– Береги себя.

– Постой! Так что случилось, Амос? Кто тебя так?

– Я упал.

– Ври больше!

– Я еще загляну сегодня, – крикнул я уже из общего коридора. – Чуть посплю и зайду.

– Буду ждать!

Следующим пунктом моей остановки стал банный комплекс Чистая Душа. Раньше там действительно были парные, но теперь остались только ваннные комнаты, душевые, туалеты, плюс небольшой зальчик, где можно было заказать чего-нибудь перекусить и выпить. Мне сейчас требовалось все вышеперечисленное. Пряча искореженную щеку, я пробубнил про ванну, отдал монету и получил полотенце. Лицо я мог и не прятать – сидящий в холле за стойкой парень был увлечен чтением и на меня даже не взглянул, не отрывая взгляда от страниц потрепанного журнала, а спиной опираясь на мешки с чистыми полотенцами. Единственное, что он сказал вялой заученной скороговоркой, так это будничное:

– Пять-час.

Сие означало, что мне нужно в пятую ванную комнату, где я могу находиться ровно час.

Аренда ванной комнаты – один динеро в час, плюс полотенце.

Помывка в душевой – четверть динеро. Отдай я монету и скажи про душевую, получил бы еще три пластиковых талончика. Каждый такой прямоугольник дает право находиться пятнадцать минут под не слишком теплыми струями душевой. И все это время на тебя будет пялиться кто-то из работников, что сидят во влажном помещении и следят за тем, чтобы хитрые сурверы не мылись дольше положенного.

Осторожно неся в руке серое истертое полотенце, я добрался до двери с нужным номером, ввалился внутрь и, закрыв дверь, запер ее на замок. Как только я это сделал, сработал скрытый механизм и в ванну за моей спиной с шипением полилась вода. Горячая вода. Действительно горячая вода. Настолько, что ее приходилось разбавлять по своему вкусу холодной – рядом с ванной был кран, а под ним ведро. Комнатка три на три шага отделана серым кафелем, пол чуть более темный, потолок посветлее, на одной из стен картина с изображением речного берега.

Усевшись на табуретку, я занялся привычными действиями. Не то чтобы я часто заглядывал в чересчур дорогую для моих заработков ванную, но все же иногда позволял себе этот ни с чем несравнимый кайф. И поэтому знал, как правильно использовать каждую секунду отпущенного срока.

Первым делом я стащил с себя всю одежду. Следом взял с края ванны небольшой брусок серого мыла с выдавленной эмблемой Чистой Души – улыбающийся привиденческий ступок. На то чтобы тщательно выстирать белье, а затем чуток промыть и сполоснуть остальное, ушло десять минут. Развесив выжатую одежду на проволочных держателях рядом с вентиляцией, я вдохнул выходящий из-за решетки теплый воздух и поморщился – там грязно. Банный комплекс как всегда экономит на услугах чистильщиков. Теперь одежда будет пованивать. Хотя для меня запах привычный. Вернувшись к ванне, я торопливо вылил на себя пару ведер теплой воды, намылился и снова облился, смывая с себя кровь, обрезки волос, мыльную пену и чуток усталости. И только после этого я позволил себе забраться в ванну, куда очередной механизм уже влил четко отмеренное количество горячей воды. Меня обожгло, но разбавлять блаженно горячую воду я не стал. Хорошо... мне очень хорошо... Закрыв глаза, я замер, покачиваясь в медленно остывающей воде.

Механизмы...

Мы, сурверы, помешаны на всех долгоиграющих, так сказать, штуках.

Наше восхищение вызывают вечные или почти вечные предметы, а все остальное нами отвергается.

Технологии прошлых веков, где умная электроника предугадывает все твои желания? В топку! Здесь, в условиях Хуракана, что расположен в подземной толще, нам этого не надо. А вот обычные шестереночные механизмы, что по большей части работают не от электричества, а от грузил и пружин, нам подходят идеально. Лежа в ванне банного комплекса, я отчетливо слышал, как за стенами работают различные механизмы, что открывают и закрывают заслонки, блокируют замки и оповещают дребезжащими звонками о истечении срока пользования ванной. Электричество используется только для тусклых светильников и нагрева воды. Все остальное зависит лишь от радивых служащих, что должны вовремя потянуть за цепи грузил или покрутить заводные ключи, снова заряжая механизмы. Если за подобными машинами тщательно следить и вовремя чистить, они служат бесконечно. Сломалась шестеренка? Сделать новую в одной из мастерских не проблема. А вот если перегорит электронная плата... что делать тогда? Поэтому в топку все сложное. Давай простое! Поэтому в таком почете у нас механики-инноваторы, механики-рационализаторы, а иначе говоря – механики-упростители.

Даже на нашем Шестом уровне имеется немало достаточно неплохо сделанных масляными красками портретов, висящих в центральном коридоре у лифтовой шахты. На этих портретах изображены не только славные наши предки, смотрители и герои, но и те, кто сумел что-то простое сделать еще более простым и надежным. Было пять шестерней – а стало четыре. Было два тросика с грузилами, а теперь хватает одного. Слава таким героям! Своим гением они отбросили подступающий упадок еще на десяток лет назад!

Чем меньше подвижных частей, тем проще конструкция – тем больше она нам нравится. Что-то монолитное и вечное мы лобызать готовы. Засунь любого сурвера в огромный механизм

с сотней крутящихся шестерней и скажи, что это всего лишь соковыжималка – у него тут же разорвется сердце.

Такова наша общинная психология, выработанная за годы и годы существования в условиях ядерного апокалипсиса. Мы заперты под опаленной атомными взрывами землей, мы изолированы от отравленного внешнего мира, и пока смертоносный уровень радиации там, наверху, не снизится, мы не сможем покинуть Хуракан. А там наверху точно не все ладно – я видел изуродованных радиацией невероятных монстров, выставленных на всеобщее обозрение. Они, плавающие в огромных стеклянных колбах, поражали своим невероятным уродством. Глядя на этих тварей, сразу понимаешь – наверху нам еще долго не удастся погулять. А раз так, то придется еще, быть может, целый век надеяться лишь на собственные запасы, смекалку, практичность и экономность.

Поэтому – в топку все сложное!

Хотя от сурвпада я бы не отказался. Да никто бы не отказался. Но это все же излишество. Его могут позволить себе лишь обеспеченные сурверы или те, кто рожден с золотой ложкой в заднице – представители великих наших родов. Их предки стояли во главе строительства Хуракана. Только благодаря им мы все сейчас живы. И поэтому нынешние представители этих родов пользуются в убежище заслуженным уважением и привилегиями. Они могут себе позволить и электронные штуки. А я – нет.

Так что мой девиз неизменен – в топку все сложное!

Нам очень повезло, что предки с самого начала понимали необходимость использования самых дешевых, практичных и долговечных технологий в Хуракане.

Шестой уровень наглядный тому пример – даже в спортивной сфере.

Беговые дорожки? В топку! – рано или поздно они выйдут из строя! Хочешь бегать, сурвер? Иди на Манеж! Ты можешь бесплатно наматывать сколь тебе угодно кругов по одной из дорожек бегового Манежа, топая по прочнейшему особо износостойкому бетону. Дешево и вечно! Прошли века – а Манеж все еще на месте и доступен для использования. Какая беговая дорожка пережила бы это? Даже просто механическая – все равно бы вышла из строя.

Бассейн – просто яма с едва подогретой водой, которая к тому же является нашим аварийным источником воды. А сейчас там живет рыба – тоже практично!

Хочется силы? Вот тебе зал для тяжелой атлетики с целыми рядами практически вечных штанг, гантелей, турников, брусьев и прочих штук для наращивания грубой физической силы.

Хочется чего-то подвижного и веселого? Легко! Мини-футбол, баскетбол, волейбол, зал для настольного тенниса, пара обычных кортов. Само собой, все выполнено из бетона – включая столы для настольного тенниса, снабженные специальным покрытием. Есть и большое футбольное поле. Вернее, было – оно стало частью рыбного хозяйства великого рода Якобс. Говорят, они и на беговой Манеж попытались замахнуться, но у них, слава предкам, ничего не вышло.

Я ведь любил бегать... ну... я бегал раньше. А теперь давно не бегаю... по разным причинам.

Когда послышался дребезжащий звук колокольчика, мотыляющегося за решеткой вентиляции, я очнулся от теплого забытья и начал выбираться из почти остывшей ванны. До второго и последнего звонка осталось пять минут. Мне этого срока вполне хватило, чтобы насухо вытереться, наклепить на израненную щеку пластырь и одеться в почти высохшую на ветерке одежду. Выйдя, прошел по коридору, скинул полотенце в корзину с грязным бельем и вывалился на улицу, как мы называли широкие коридоры.

Тараканьи тропы, как их с горькой иронией называли многие из тех, кто был порожден предками, что некогда жили в далекой северной стране и работали на Россогор. Тараканы – вот как они называли всех нас и себя в том числе на своем порой грубом и лающем, а порой удивительно певучем языке. Их до сих пор немало в стенах Хуракана-Таракана, хотя свой родной

язык они давно уже не используют даже дома. Остались лишь забавные словечки, что известны каждому.

Добравшись до широкого проема в стене, за которым было чуть светлее, я вышел на полосу с остатками красной краски, убедился, что в поле зрения нет несущихся что есть мочи бегунов и торопливо зашагал поперек беговых дорожек к техническим помещениям, что были переделаны под жилые. Их сдавали в аренду Якобсы – нынешние владельцы бассейнового комплекса.

Оказавшись у стены и на очередной красной полосе, где бегать было запрещено, я сделал еще десяток шагов и едва не споткнулся, увидев стоящий перед порогом двери – моей двери – высохший крохотный фикус в горшке.

Ну понятно... у них снова тусовка, и они снова оповещают, что мне на ней не место.

Ага. Еще вчера... да что там... еще пару часов назад я бы просто развернулся и ушел. Перекантовался бы где-нибудь часиков пять-шесть, чтобы затем вернуться назад и, вытянув шею, издалека всматриваться в низ собственной двери – убрали ли фикус натрахавшиеся вдоволь парни?

Да...

Так было бы еще вчера.

А сейчас я, отбросив ногой мертвый фикус в пластиковом горшке, дернул за дверную ручку. Как и ожидалось, дверь оказалась заперта. Я пару раз рванул за пластиковый шнурок, и внутри комнаты зазвенел колокольчик. Крайне недовольный ответ последовал секунд через десять:

– Ну кто там еще? Если не срочно, то...

– Тенк! Открой дверь! – произнес я достаточно громко, чтобы меня услышали.

– Амос?! – на этот раз недовольства стало еще больше, а к нему в придачу зазвучала наглость. – Ты фикус не видел, что ли, дружок?

– В жопу тебе твой фикус, Тенк! – рявкнул я. – Какого хера моя дверь закрыта?! Какого хера мой дом закрыт?! А?! Я тебя приютил на пару дней, сука! А ты живешь здесь уже полгода! Не платишь за аренду! Водишь сюда своих друзей и потаскух... Открой дверь! Живо!

Что я такое кричу?! Мне конец... сейчас они выйдут и... да пошли они к черту!

– ОТКРОЙ ДВЕРЬ! ИЛИ Я ВЫНЕСУ ЕЕ!

Щелкнул замок, за распахнувшейся дверью мелькнуло изумленное и чуть пьяное лицо Тенка, неверяще смотрящего на меня и трясущегося от запредельной злости.

– Амос?

Я шагнул внутрь мимо него. Втянул ноздрями сладковатый дымок, с кривой усмешкой бросил через плечо продолжающему стоять у двери Тенку:

– Странно... мне ведь какой-то ублюдок по имени Тенк давал свое честное сурверское слово, что никогда не будет курить здесь свою тасманскую дурь... Да твое слово – полное дерьмо, Тенк. И ты сам дерьмо, а не сурвер. Выметайся. Все вы – выметайтесь на хрен.

В комнате было еще трое. Две девки, один парень. Ну и Тенк. Две веселые парочки, что так легко выдавили из собственного жилого пространства такого неудачника и труса, как я, чтобы за мои же деньги, на моей кровати и старинном ковре вволю трахаться, курить, бухать и вообще весело проводить выходные. И все это время – почти полгода – я молчал, порой сутками блуждая по улицам Хуракана в ожидании разрешения вернуться.

– Амос...

Круто развернувшись, я воткнул палец в грудь отпрянувшего Тенка:

– У тебя десять минут, Тенк. Десять минут, чтобы свалить отсюда навсегда вместе с вещами и друзьями. Время пошло.

– Ты выпил, что ли? – косоватая неверящая улыбка все никак не могла сойти с его блестящего от пота лица.

– Девять минут.

– Эй! – меня за плечо схватила и развернула сильная рука. – Кем себя возомнил, плесень вентиляционная?

Взглянув в небритое лицо темноволосого парня, я моргнул, а следом дернул головой, получив прямой удар в подбородок, даже не успев увидеть его. Еще один мне урок. Запоминай, Амос! Запоминай!

– Тварь! – выдохнул я.

– Тварь?! Н-на!

Следующий удар оказался сильнее, и я отлетел на шаг назад, с трудом удержавшись на ногах.

– За тварь я тебе сейчас пасть порву! – пообещал крепыш, делая шаг вперед.

– Хватит, Пелле!

– Че ты ссышь, Тенк? Анус приперся, херню какую-то несет, крутого из себя строит – а ты потек как девка! Он нам кайф портит! У тебя дома! Хозяина из себя строит!

– У него дома? – переспросил я и больше инстинктивно, чем обдуманно, качнулся в сторону.

Третий удар угодил в воздух у меня над плечом.

Я ткнул отверткой почти не глядя. Но промахнуться мимо стоящего вплотную наглого тела было почти невозможно. Отвертка ударила в левый бок и, пробив майку, вошла в плоть. Неглубоко, но все же вошла. И я на миг ощутил невероятной силы желание нажать на пластиковую рукоятку посильнее, чтобы вбить отвертку полностью. А затем еще бы пошатать ее острием из стороны в сторону, превращая сложную систему потрохов в столь любимую сурверами простоту смузи... Но я отвертку выдернул. Тут же ткнул снова, но едва дотянулся – не сразу почувствовавший результат моего удара парень исправил свою ошибку и все же нащупал кулаком мое лицо. Упав, я подтянул ноги, и бросившийся на помощь другу Тенк хватанул пустоту. Подавшись вперед, я ударил отверткой ему в щеку, но промахнулся, угодив в ухо. Пробил ушную раковину и кожу за ней.

– А-а-а-а!

– Ы-ы-ы-ы!

Они оба заорали одновременно. И оба с ужасом глядели на руки, окрашенные собственной кровью. Следом к их крику добавился перепуганный вой накуренных девок, одна из которых сидела на моей брошенной на пол любимой подушке.

– Убери жопу с моей подушки, сука! – выдохнул я, разворачиваясь к толстухе. – Сало выпущу!

С визгом та повалилась на бок и попыталась залезть под откидную койку, но не сумела пропихнуться и замерла на полу. Я глянул на вторую девку, и ее визг оборвался. Тишина... такая приятная тишина... прямо как в той теплой ванне... Тепло и спокойно...

– Мы уходим! Мы уходим, Амос! – проблеял с пола Тенк, не сводя глаз с отвертки у меня в руке.

– Ты же такой крутой, – удивился я, приподнимая вооруженную руку. – Ты же такой сильный... давай, Тенк, отними отвертку, повали меня, отпинай. Ты же всегда напоминал мне, насколько сильнее меня. Да? Ты ведь круче меня, сурвер?

– Амос... слушай... не знаю, что случилось...

– Три минуты, – улыбнулся я, и из-под пластыря на щеке вытекла теплая струйка крови. – Если не уложите... я сдохну, но вас кончу!

– Ты кем себя возомнил, гнида? – прошипел с пола темноволосый, явно успев очухаться и понять, что рана была пустячной. – Сын алкаша и дохлой уборщицы! Одно мое слово – и парни тебя... АГХ!

Отвертка вошла ему в рот. Я бил изо всех сил, бил снизу вверх, но удар был неумелым. Может, поэтому он оказался таким разрушительным. Конец отвертки ударил под нижнюю губу, пробив ее насквозь и разорвав, следом пробороздив десну, скользнув по зубам и, пройдя через рот, вонзившись в небо, после чего, сделав и там неплохую кровавую канаву, уйдя дальше к глотке, рвя и вспарывая все на своем пути. Сомкнувшиеся зубы Пелле клацнули на жале отвертки, а я, резко ударив коленом, врезал ему по нижней челюсти. Пара зубов, что держала мою отвертку, с хрустом сломалась. Я сделал шаг назад. Зажав рот руками, Пелле беззвучно закрутился на полу, отбивая пятками частый ритм. Глянув через плечо, я скользнул безразличным взглядом по трем возникшим в дверном проеме ошарашенным лицам и спокойно предупредил:

– Отвертка – мой рабочий инструмент. Не отдам.

– Привет, Амос, – тихо произнес Марк, старший из Охраны этого участка бассейнового комплекса. – Убери отвертку, а? Ты ведь хороший парнишка...

Глянув в его морщинистое и вечно усталое лицо, я спокойно кивнул. Шагнув к единственному столу, аккуратно опустил на него окровавленную отвертку, а затем уселся на стул и замер, уронив руки на столешницу.

– Вот дерьмо... – бормотал сидя у ног подоспевшей Охраны икающий Тенк, глядя на бьющегося от боли Пелле. – Вот дерьмо... вот дерьмо...

Встав рядом со мной, Марк посмотрел на меня, внимательно изучил взглядом затылок и прикрытую пластырем щеку, повернувшись, оглядел остальных участников, ненадолго задержав взор на толстой заднице у кровати. Только затем, оглядев и запомнив обстановку – само собой, не пропустив бутылки и пепельницу, забитую окурками сигарелл – он глубоко втянул ноздрями воздух и тихо сказал, опустив руку мне на плечо:

– Ты ведь понимаешь, что придется пройти с нами.

– Пошли, – кивнул я. – Но двери я закрою.

– Конечно. Вас тут живет...

– Один я, – тихо и нехорошо улыбнулся я. – Здесь живу один только я. Только я плачу арендную плату, убираюсь, чищу и ремонтирую. Нет, я не курю табак. Нет, я не курю тасманку. Да, я готов пройти все анализы, что потребуются. Нет, я не принимал участие в этой вечеринке в моем доме. Я также не знал о ней и не разрешал ее.

– Твои слова услышаны и записаны, сурвер, – мне показали экран сурвпада с красным квадратом. – Ты подтверждаешь сказанное?

– Да, офицер. Подтверждаю каждое слово. Как и то, что не я ударил первым. Меня пытались избить и прогнать из собственного дома. В этом я обвиняю сурвера Пелле Джейкобсона и его друга Тенка Борга. Готов подтвердить это под присягой как на допросе, так и на суде. И я сразу требую возмещения своих убытков. Это мое право сурвера.

– Твои слова записаны и услышаны, сурвер. Вставай, Амос. Вставай. Я уже слышан о твоём сегодняшнем дне, так что прокатим тебя со всем почетом.

– Я дойду, – качнул я головой. – Никому не хочу быть обязанным.

– Считаю это еще одним бонусом за смелость – ты ведь подстригся, а? Не испугался Шестицветика?

– В жопу Шестицветик, – сонно пробормотал я. – Так им и передайте. Сурвер Амос послал весь Шестицветик в задницу! Хорошо?

– Пошли, пошли, герой. Ты просто устал. Решим по-быстрому проблему – и вернешься домой отдохнуть. Ты заслужил.

– Рефивьюдыдва, – встав, едва слышно предложил Пелле.

Изорванный рот не подчинялся, через рваную губу лилась кровавая слюна, ему было очень больно, но при этом ему явно было плевать на боль. Если судить по его искаженному лицу, то можно смело предположить, что он уже просек ситуацию и понял, чем ему конкретно

все это грозит. Тут накопился целый список. Так что его невнятное предложение можно было понять по становящимся все испуганней глазам.

Курение в неподобающем месте, пребывание в чужом жизненном пространстве без разрешения, курение тасманки, нападение на хозяина помещения – первый удар был его – оскорбления, попытка выгнать меня из собственной квартиры... Это не просто запятнает его ауру – это уничтожит ее.

– Нет, – усмехнулся Марк. – Нет, парни. Такого... – он еще раз осмотрел задымленную комнату. – Такое я замять не могу. Вся улица уже на ушах. Отправляемся в околоток.

У Тенка нервно задергался угол рта, и он умоляюще взглянул на меня.

Его испуг понятен. Он принадлежит к боковой ветви рода Якобс. Дальняя ветвь. Личные чернорабочие могущественного клана Якобс. А Коллин Якобс... их нынешний лидер и глава семьи всегда в первую очередь требует полного порядка на территориях рода. Так что Тенка ждет двойной суд и двойной приговор. И если по первому приговору он отделается черными записями в ауре, то вот по второму – негласному и непубличному – ему вполне могут переломать руки, чтобы впредь неповадно было косячить. Плюс заставят пару лет работать бесплатно где-нибудь в самом темном углу Шестого уровня Хуракана, он же X-6.

– Почему ты все еще в моем доме, Тенк? – спросил я, отворачиваясь.

– Да уйду я! Уйду!

– Я устал, – признался я старшему из патруля Марку. – Может, пошлете их на хрен отсюда, и на этом закончим?

– Ценю твое сурверское желание быстро прервать конфликт... но не могу, – развел руками охранник, глядя на окурок, источающий сладкую вонь тасманки. – Не могу.

Скорее не хочет. Дурь вдыхал Пелле. Один из клана Якобс. Это дело точно замнут. А чтобы замять, Якобс, конечно, поощрит здешнюю Охрану неплохими бонусами. Так что просто глупо спускать все на тормозах. Или, как любила говорить мама Галатеи, когда еще была здорова и сама вела семейный бизнес – это попросту невыгодно, детки.

Глава третья

– Да он отверткой ударил! В живот! Это покушение на убийство!

– Двое на одного. В его доме. И вы двое – под наркотой и бухлом! Опомнись, Пелле! Он вернулся с работы, он чист как стеклышко, и вы сами признали, что сначала он велел вам убираться прочь. И это ты ударил первым! Мой тебе совет, сынок – покайся! Проси решить все миром. Выплати компенсацию.

– Но... да он нас на хер послал! Долбанный Анус! Кем эта тварь себя возомнила? Кто-то храбрый мимо проходил и пернул – а он вдохнул?!

– Думай, что говоришь, Пелле! Сурвер! Думай! Думай!

– Думаешь?! Да я внятно говорить могу только после того, как мне зашили губу и вкололи обезбол! И это сделал он – ваша жертва!

– Губу тебе зашили?

– Прикалываешься?! Стебешься?! Думаешь на тебя управы нет, коп?!

– Полегче, сынок.

– Я тебе не сынок! А этот гад... долбаная дырка в сраной жопе... он уже вон сидит в уголке тихонько и дрожит! Храбрость прошла, да, гнида?! Что ты сделал с моим лицом?

– Он в своем праве, ты, недоумок! – не выдержав, рявкнул уже совсем седой охранник с короткими по-военному стриженными волосами, идеально выбритый и в отутюженной одежде. – А черт... сорвался...

– Да все нормально, Brent, – тихо произнес вошедший в помещение неприметный с виду мужичок.

При виде его Пелле поперхнулся, выпустил на подбородок кровавый сгусток и затих, съездившись на стуле. Вот и Якобс – один из младших. По чину, а не возрасту. Дуглас Якобс собственной персоной. Он же тот, кто ведал арендой жилых помещений вокруг бассейнового комплекса. Несмотря на небольшой рост, субтильность телосложения и лысоватость вкупе с небольшим брюшком, это было очень серьезный сурвер, что пользовался всеобщим уважением и у многих вызвал липкий холодный страх. Дуглас Якобс многое мог... но, в целом, он был мужиком справедливым.

– Всем доброго вечера, – все так же тихо и бесцветно поздоровался Дуглас Якобс и указал на стоящий у двери стул. – Не против, если я посижу в уголке и послушаю?

Кто бы рискнул ему отказать...

– Присаживайся, сурвер, – кивнул седой патрульный. – Чаю?

– Выпью с благодарностью, сурвер.

Как они церемонно-то... но это тоже часть древней традиции, что постепенно умирает, хотя многие старшаки по-прежнему свято блюдут ее. У нас вообще слишком много традиций, и молодняк тихо радуется, что они уходят в прошлое – даже в нынешние времена тяжело жить и лавировать в нашем мире, стянутом жесткими ободами правил и обычаев.

Встав, я шагнул к раковине у стены. Прежде чем открыть воду, подставил под тонкую трубку стакан – еще одна традиция, что требовала беречь каждую каплю чистой воды. Теплая и противная застоявшаяся вода в трубах? Плевать! Пей такую! Не вздумай слить пяток литров драгоценной влаги в канализацию ради глотка прохладной воды!

Я выпил весь стакан, пользуясь возможностью пить бесплатно. У Охраны много привилегий, и кран с питьевой водой – одна из них. Выпив, налил себе еще и вернулся на табурет, неотрывно при этом глядя на притихшего Пелле. Он ответил злобным взглядом, но что-то разглядел в моих глазах и снова сник, зябко передернув плечами и уставившись в пол.

– Продолжим, – предложил старший охранник.

– Ты бы не мог ввести меня в курс дела? – бесцветно попросил Дуглас Якобс, доставая из бедренного кармана просторных штанов небольшую серебряную фляжку, а следом портсигар и медную зажигалку. – С вашего позволения, сурверы.

И снова – кто бы тебе рискнул запретить.

Впрочем, ничего особо криминального в курении в общественных местах нет – если никто не против. Системы вентиляции справляются, циркуляция воздуха у нас нормальная, а курение весьма популярная привычка. Как и жевание и нюханье табака.

– Амос? – в мою сторону протянулся портсигар.

Глянув на ровные ряды дорогущих сигарелл, я отрицательно качнул головой. Хотелось бы покурить, но я не хочу ни в чем никому быть обязанным. Деньги у меня есть. Куплю потом в магазинчике Галатеи пару штук.

Кашлянув, патрульный заговорил и, к моему вялому удивлению, он начал не с момента разборок у меня в квартирке, а, считай, с самого начала – конфликта между мной и Роппом. Причем перечислялись только сухие факты, говорилось как есть, без преуменьшения и преувеличения. Когда патрульный добрался до происшествия у парикмахерской, Дуглас Якобс поморщился:

– Шестицветик... начинает создавать проблемы.

– Наш карантин так никогда не кончится, – поддакнул один из патрульных.

– Я поговорю с ними, – произнес Якобс, и сразу стало ясно, что с сегодняшнего дня Шестицветик прекратит свои протесты против стрижки наголо.

Все патрульные, я и сам Якобс, между прочим, были подстрижены под машинку. Только Пелле, Тенк и отпущенные за ненадобностью уже опрошенные девки могли похвастаться длинными волосами. Но сейчас Пелле явно не был рад своим длинным патлам – он аж накрыл голову ладонями, то и дело бросая украдкой взгляды на стриженного Якобса.

Продолжив, патрульный столь же равнодушно описал произошедшее у меня дома. И когда он закончил, в околотке повисло напряженное молчание.

– Нехорошо, – нарушил тишину Дуглас Якобс, сделал большой глоток из своей фляжки, следом глубоко затянулся и, выпустив в потолок струю сизого дыма, повторил: – Нехорошо...

– Да мы... – подскочил Пелле.

– Пасть закрой, – с легкой улыбкой тихо попросил Дуглас, и Пелле с хрипом поперхнулся, опять брызнув кровавой слюной.

Взгляд представителя могущественного рода перебрался на меня, и стало ясно, что сейчас мне придется четко высказать свою позицию. Я был к этому готов и сразу заговорил ровным спокойным голосом:

– Тенк – пусть валит.

– Я выплачу тебе половину арендной платы, – кашлянул Тенк, прикрывая ладонью пробитое ухо. – Выплачу каждый динеро.

– Нет, – качнул я головой. – Ты мне ничего не должен.

Деньги мне были нужны. Но если я позволю Тенку заплатить – а он запросто найдет деньги, одолжив их у своего кореша Пелле – получится, что он как бы имел право находиться в моей квартире, и тогда уже я стану виноватым. Это соображение вместе с выводом и решением будто само появилось у меня в голове – разум сработал четко и быстро. Я не позволю Тенку стать соарендатором.

Странно... откуда во мне эта звероватая хитроватость и подозрительность?

– Тенк пусть валит, – повторил я. – Претензий к нему не имею, если он их не имеет ко мне. Эй, Тенк, ты имеешь ко мне претензии?

– Н-н-н-н... – заерзал парень, беспомощно оглядывая присутствующих и явно боясь глядеть на своего дружка Пелле. – М-м-м-м...

– Ты не мычи, – мягко посоветовал ему Дуглас. – Ты отвечай. У тебя есть претензии к Амосу Амадею?

– Нет! – вякнул Тенк и обреченно сморщился.

Он только что благополучно вырuling из поганой ситуации, оставив в ней единственного виноватого – Пелле Джейкобсона. Он предал друга. И этот его поступок вызвал у меня широкую издевательскую улыбку. Такую широкую, что ее заметили все без исключения. Тенк съежился еще сильнее, попытался забиться в угол поглубже, но его дерганье остановил один из патрульных, с намекающей улыбкой указав на дверь:

– Ты свободен, сурвер Тенк. Но завтра тебе предстоит явиться в главный участок нашего уровня и дать объяснения по поводу раскуривания тасманки. Думаю, ты понимаешь – тебя ждет наказание, сурвер.

– Понял, – опустив голову, Тенк поднялся и засеменял к выходу. – Я понял...

За курение наркоты вроде тасманки наказание было одно – общественные работы. Уже завтра Тенк получит свой приговор и начнет искупать преступление тяжелой работой на благо Хуракана – чистить полы в коридорах маленькой щеткой, мыть общественные туалеты и заниматься прочими подобными делами.

– Пелле, – произнес Якобс, и обладатель этого имени вздрогнул, затравленно глянув на меня.

– Не прощу, – ответил я, понимая, к кому обращены слова Дугласа. – Он... он назвал мою мать дохлой уборщицей.

Мои зубы противно хрустнули, когда я плотно сжал челюсти, чтобы не сорваться и не уподобиться Пелле, начав оскорблять его ни в чем неповинных родителей.

– М-м-м... – сморщившись, Пелле закрыл лицо руками и забубнил: – Да вырвалось у меня... просто вырвалось! Я не хотел такого ничего! Не о родителях! Только не о родителях. Особенно о мертвых...

Оскорбление чьих-нибудь предков – тяжелый проступок для любого сурвера. Мы четко знаем свои родословные, свои протянувшиеся сквозь столетия подземной жизни корни, ведущие к тем, кто построил убежище и закрылся в нем, спасаясь от радиоактивного кошмара. Оскорбить мою мать или отца – значит, оскорбить всю линию моего рода.

– Не прощу, – повторил я и снова поднялся, опять нацелившись на кран с бесплатной питьевой водой.

Вода у нас и так почти дармовая, но к чему платить за то, что можно законно взять бесплатно? Это еще один неписанный закон сурверов, прекрасно сочетающийся с нашим главным кредо «выжить любой ценой».

Я произносил слова спокойно, даже с какой-то легкой отстраненностью, но внутри меня все кипело, казалось, что я только что выпил пару стаканов серной кислоты и теперь почему-то должен сделать вид, что ничего эакого не случилось и для меня вполне нормально вливать в себя такое. Но мне удалось сохранить спокойное выражение лица, я сумел обуздать рвущиеся наружу эмоции. Сумел сдерживать дикий злобный визг... и, вспомнив лицо матери, я сумел удержать руку и не метнуть стакан в голову Пелле. Но он что-то почувствовал и невольно дернулся в сторону, смотря на меня с мутным удивлением.

Да все они на меня так смотрели.

Они никак не могли поверить, что трусливая крыса Анус вдруг осмелился показать характер. Уже два часа мы тут маринуемся. Прибывший медик обработал раны Пелле и Тенка, осмотрел меня и вколол мне бесплатных витаминов в качестве поддержки жертвы преступления... а они все еще не могли поверить, что трусливый ушлепок Амос может быть таким смелым. И это они еще не подозревали, что сейчас я изо всех сил себя сдерживаю, стараясь не дать чему-то мерзкому и жестокому вырваться наружу и натворить бед.

– Амадей, – подавшись вперед, Дуглас Якобс опять щелкнул зажигалкой, неспешно подкурил очередную сигареллу, выпустил дым и сквозь его мутную пелену заговорил, пробивая сизую мембрану своими словами: – Мы все понимаем, что парни неправы. Пелле особенно неправ. Он сильно ошибся, когда вздумал оскорбить твою мертвую родительницу. Я знал ее лично. Она была отменным сурвером. И просто хорошим человеком. Я знаю и твоего отца... – заметив передернувшую мое лицо судорогу ненависти, он понял, что эту тему развивать не стоит. – Знаю и тебя. Ты, как и все здешние мальчишки Шестого, рос на моих глазах, бегал по нашим улицам.

В этот момент мне следовало сказать, что я, конечно, знаю, что все эти годы славный Дуглас Якобс внимательно и заботливо, как и все остальные из его великого рода, наблюдал за нами, всегда готовый прийти на помощь. Но я промолчал, выжидательно глядя на могущественного сурвера.

– Ты всегда умел уйти от конфликта...

Он хочет сказать – я всегда умел убежать. Я очень рано научился быстро бегать, чтобы суметь убежать от своих злобных преследователей, обожавших избивать меня. Я снова промолчал. Со скукой отставил пустой стакан. Вернулся на свой стул. В околотке опять повисла напряженная тишина. Только что на глазах всех присутствующих произошел сбой – я не «влился» в речь идущего мне на встречу Якобса, я не даю ему знаков, что готов замять конфликт. И ведь пока это дело не внесено в электронные базы данных – я уверен в его желании решить все миром. Я уверен и в том, что род Якобсов очень не хочет попадания очерняющих их дочернюю ветвь сведений в базы данных, где они быстро станут известным всем в Хуракане, у кого есть доступ. А таких немало.

Якобсы очень сильно пекутся о своей репутации.

Как и все наши великие роды.

– К-хм... – чуть помедлив, Дуглас решил попробовать еще раз, но я его опередил, равнодушно произнеся:

– Я не говорил, что настаиваю на официальном продолжении дела. Пелле... знаешь... ты тоже вали на хрен. Но... я твоих слов никогда не забуду. Запомни это, – подняв лицо, я заглянул в его бегающие глаза. – Я никогда не прощу. Ты тронул мою маму. Ты тронул память о ней... За это я тебя... – замолчав, я медленно растянул губы в улыбке, прислушиваясь к болезненному и одновременно приятному пульсированию в разбитом затылке. – Да... да... я бы хотел, чтобы ты сдох прямо сейчас... ничего криминального – просто мечта усталого и больного сурвера... ты не против?

– Послушай... слушай, Амос...

– Я не прощу, – повторил я и, нащупав взглядом дверь, встал. – Господа сурверы... у кого-нибудь есть претензии ко мне?

Все молчали. Выждав несколько секунд, я удовлетворенно кивнул:

– У меня тоже нет никаких официальных претензий. Закончим на этом?

Быстро сориентировавшись, старший патрульный кивнул:

– У Охраны нет никаких претензий к сурверу Амадею Амосу.

– Хорошо, – улыбнулся я, сделал шаг к двери, вдруг остановился и повернулся к еще одному из патрульных, что все это время сидел себе тихонько за дальним столом помещения и не отрывался от пластиковых листов со служебной информацией. Хотя, конечно, младший патрульный слышал и запоминал каждое слово. Но мне на это было плевать, и обратился я к нему по другой причине. – Эй, Кнут...

– М? – дернулся тот и удивленно вскинул голову. – О... Амос. Как ты? Голова болит?

– Болит, – согласился я. – Кнут... уже шесть лет прошло. Я устал ждать. Отдавай прямо сейчас. – стоя посреди участка, я вытянул руку ладонью вверх и выжидательно уставился на патрульного Кнута Гамсона, моего бывшего однокашника, моего бывшего друга детства,

который в свое время быстро понял главную истину – не стоит дружить с трусами и неудачниками, зато можно и нужно их использовать.

Тишина...

Кнут с застывшим лицом неотрывно смотрит на меня, я на него. Между нами пространство целой комнаты и пяток явно удивленных зрителей.

– Слушай, Амос... давай поговорим чуть позднее... дело ведь личное...

– В жопу твое личное, – со вкусом произнес я, четко выговаривая каждое слово. – Кнут Гамсон, какого хрена? Шесть лет назад я выиграл в ежегодной лотерее новенький налобный фонарь Супернова производства Россогор. Он был надежно запечатан. Я до сих пор помню большую красную звезду на упаковке. Ты взял у меня его показать своему отцу – фанату Россогора. Взял на полчаса. И больше я тот фонарь не увидел... Знаешь... это даже смешно. Ведь сегодняшний день начался с того, что я потребовал фонарь, и меня за это ударили головой о стену. Ты тоже хочешь ударить меня головой о стену?

– Да ты чего... слушай... сказал же – давай поговорим чуть позже. Дело личное. Только между нами.

– Прямо сейчас ты отдашь мне мой фонарь марки Супернова. Отдашь его запечатанным. В упаковке с красной звездой. Следом ты выплатишь мне компенсацию за аренду моего фонаря на протяжении шести лет. Сколько раз я просил тебя вернуть мой фонарь? А ты всегда красиво отшучивался. И ведь мы оба уже через неделю после того, как я отдал тебе фонарь, знали, что ты меня поимел, да, Кнут?

– Амос... мы же друзья...

– Друзья? – изумился я. – Разве друзья так поступают? Шесть лет... и смех за моей спиной. Да? Фонарь! Прямо сейчас! Вместе с деньгами! Или я пишу официальное заявление о воровстве!

Багровый от смущения и злости Кнут начал на глазах белеть.

Еще бы. По нашим сурверским законам во Внутренней Охране не может служить сурвер с запятнанной аурой. Во Внешней – на периметре и внешней ауре – может. И если отслужит там пять лет верой и правдой, пятна с его ауры исчезнут, репутация восстановится и можно опять подаваться в патрульные тихих коридоров. Вот только я знал Кнута – он трус. Прямо трус. Как я. И во Внешнюю Охрану он не пойдет. Так что конец карьеры...

– Ты взял чужую вещь и не вернул? – с нескрываемой брезгливостью осведомился старший патрульный с вечно усталым лицом. – Ты сделал это, сурвер?

– Я... не... а доказательства? Пусть докажет!

– Хорошо, – кивнул я, и по моему лицу расплылась широкая ухмылка. – Я рад, что ты пошел этим путем, Кнут.

– Вот ты тварь!

– Я тварь, – согласился я, и моя ухмылка стала шире. – Я та еще тварь... ты даже не представляешь, насколько я сейчас хочу уничтожить твою жизнь. Офицер! Я, сурвер Амос Амадей, подаю официальную жалобу на сурвера Кнута Гамсона, младшего патрульного Шестого уровня убежища Хуракан! Шесть лет назад он обманым путем забрал у меня фонарь Супернова.

– Шесть лет прошло, Амос! Да у тебя силой всегда все забирали! А я попросил!

– Вот ты и признался, – рассмеялся я и почувствовал, как из-под повязки на затылке потекла теплая кровь. – Так ты брал или нет мой фонарь, сурвер? Будь мужиком! Да или нет?!

– Будь мужиком, сурвер, – повторил мои слова вставший Дуглас, закладывая руки за спину. – Ты брал чужую вещь? Ведь ты может и хотел ее вернуть, но просто все время забывал...

– Да, – с хрипом выдохнувший Кнут с радостью схватился за протянутую соломинку. – Я брал! Но не воровал! И не забирал! Я просто забыл вернуть!

– И вернешь? Мой запечатанный новехонький фонарь...

– Д-да...

– Возвращай, – кивнул я, и ловушка захлопнулась.

Где ему взять новый налобный фонарь? Они у нас дико популярны – особенно среди сурверов моей профессии. Наверняка мой фонарь он давно продал или с выгодой поменял на что-нибудь.

– Я... – взгляд Кнута заметался между присутствующими. – Я...

– Дай ему несколько часов, сурвер, – предложил мне Дуглас, и по его довольным глазам я понял, что если соглашусь, то свой фонарь получу.

Поэтому я коротко кивнул и, не глядя больше на патрульного, перешагнул порог и покинул околоток. Меня никто не остановил.

А им и незачем меня останавливать. Умный, одновременно знакомый и незнакомый голос в моей голове уже успел мне рассказать, что всем, кроме Пелле и Кнута, ситуация очень даже выгодна. Дело не получит огласки, виновный Пелле окажется на далеких задворках, где будет пахать изо всех сил, Дуглас Якобс с легкостью найдет фонарь Супернова и отправит мне, тем самым делая очередного патрульного обязанным роду Якобс. Само собой, что и остальные патрульные не останутся без неофициальных премиальных за свое согласие не раздувать шум.

Проклятье... почему я раньше так не сделал?

Ответ пришел сразу – потому что я трус.

На второй вопрос ответа не нашлось – что мне делать с таким количеством налобных фонарей?

Уверен, что дело еще не закончено. Со мной еще захотят побеседовать патрульные, может быть, заглянет кто-то из посыльных рода Якобс. Чтобы убедиться, что конфликт исчерпан. Но это будет потом. А пока у меня есть время чуток отлежаться.

С трудом переставляя налитые усталостью ноги, я плелся по улице Хуракана к Манежу, бездумно глядя в пол, а в голове роились ленивые и столь же усталые мысли.

Великие роды Хуракана.

Раньше их было больше. А сейчас осталось пять – что тоже немало на наши сурверские головы. Хотя тут как посмотреть – многие искренне верят, что, если бы не жесткость и деловая хватка великих родов вкупе с их вечной конкуренцией друг с другом, Хуракана бы давно не стало.

Грубо говоря – все наше убежище держит на плаву застарелая вражда и конкуренция между старыми матерыми и родовитыми рыбаками. Великие роды не позволяют себе и остальным расслабиться. И это всем нам идет на пользу. Честно говоря... я с этим полностью согласен, хотя никогда и никому не высказывал своего робкого и явно никому не нужного мнения.

Пять великих семей Хуракана...

Якобс. Юрьев. Тарос. Сантос. Денвер.

Якобс – один из самых могущественных родов. И самых разносторонних – они делали деньги из всего. При этом род Якобс поднялся с самых-самых низов. Они стартовали с максимально низкой ступени, что к тому же была сантиметров на сорок погружена в дерьмо. И это без всяких шуток. Все в Хуракане знали историю семьи Якобс, передавая ее потомкам – дабы каждый сурвер знал, что можно родиться без серебряной ложки в жопе и все равно чего-то достичь. Изначально небольшая семья Якобс отвечала за канализационные стоки Шестого уровня. Затем им доверили стоки Пятого уровня. И так несколько поколений семья Якобс старательно строгаала сынов и дочерей, прилагая все усилия для их правильного воспитания и обязательного возвращения в них деловой жилки. Постепенно в их владении появились первые рыбные хозяйства, огороды и сады, затем открылись продуктовые лавки Якобс... Так и родился один из поныне существующих безусловно великих родов, имеющих огромное влияние на нашу жизнь. Как у нас с уважением говорят про таких – их имя с гравитацией. Их имя имеет воздействие...

Юрьевы – тут и говорить нечего. Их род ведет начало от одной из управленческих ветвей знаменитой корпорации Россогор. Юрьевы и по сей день занимают огромное количество управляющих должностей Хуракана. Само собой, они не забывают и про бизнес, старательно богатея от поколения к поколению. На них же вся медицина – Юрьевым принадлежат лучшие специалисты в этой области. И они же управляют всеми нашими медицинскими учреждениями – а это, считай, владеют.

Тарос и Сантос – производство и ремонт того оборудования, без которого наша жизнь была бы невозможна. Они чинят компрессоры и насосы, занимаются трубами и проводами. В их владении пусть уже древние, но все еще функционирующие 3D-принтеры. Еще они плавят металл. Эти два рода работают рука об руку, но при этом конкурируют во всем. Тарос больше по металлу. А Сантос неплохо создает все пластиковое. В целом, их за глаза называют токарями и слесарями. Но только за глаза.

Денвер... это электроника. А электроника – это важно... очень важно. Починить сурвпад или комп, установить и наладить программное обеспечение, разобраться с помехами и даже написать новый программный код под те или иные нужды – это все род Денвер. Они единственные из родов, кто предпочел сгруппироваться в одном месте, заняв чуть ли не половину Третьего уровня. Там же их магазины – с безумными ценами. Там же их мастерские, где обеспеченный сурвер всегда может проапгрейдить свой сурвпад, налобный фонарь или иное устройство. Род Денвер пользуется заслуженным уважением, хотя его влияние меньше чем у Юрьевых и Якобс.

Совсем недавно у нас был еще один славный древний род с гравитацией. Но его участь была решена, когда остановился, а лучше сказать умер наш реактор. Как только стало ясно, что наш собственный реактор не заработает, все долгое влияние рода Вальтеров закончилось. Их репутация разбилась вдребезги. Из уважаемых и сплоченных в единую семью энергетиков они превратились в нечто разобщенное. Род умер. Официально их никто не обвинял, но после пережитого нашими предками испуга бывшего влияния роду Вальтер уже не возродить. Хотя... если только им удастся снова запустить реактор и вернуть Хурану былую независимость и самообеспечение...

Энергия...

Откуда мы ее берем? Хотя тут надо сказать иначе – кто столь щедрый дает нам ее? Вышестоящие знают. Но делиться ответами не спешат.

Размышлять над столь абстрактными вещами, как чужая генеалогия, я перестал, когда увидел у своей двери незнакомого парня. Невольно замедлил шаг, напрягся, но тут же снова ускорился, когда парень с улыбкой произнес:

– Срочная доставка Якобс! Подарки прибыли, сурвер Амос.

– Спасибо, – произнес я начавшими отекать губами. – Спасибо... фонарь?

– Запечатанный новехонький фонарь «Супернова» в фирменной упаковке с красной звездой. И семьдесят две монеты. Как я понял – это тебе оплата минимальной аренды фонаря за шесть лет?

– Что-то вроде, – устало усмехнулся я, принимая достаточно увесистую коробку. – Надо же... я стал богат.

– Это не богатство, сурвер. Минимальная аренда? Как по мне, ты мог вырвать больше...

– Ну, – пожал я плечами. – По моим меркам вполне себе сокровище. Спасибо.

– Фонарь принят, деньги тоже, претензий к младшему патрульному Кнуту Гамсону ты не имеешь. Все верно, сурвер Амадей Амос? – мне в лицо уставился экран с красным квадратом.

– Все верно, – хмыкнул я, осторожно потирая залепленную пластырем щеку. – Претензий к сурверу Кнуту Гамсону больше не имею. Конфликт исчерпан.

– Увидимся, – коротко кивнул парень и убежал.

Убежал в буквальном смысле – резко ускорившись, перешел на стремительный бег, быстро исчезнув из виду.

– Я тоже, – пробормотал я ему вслед. – Я тоже хотел так бегать...

Хотел... чего я только не хотел. И ничего не достиг. Ничего не добился.

Войдя внутрь, я свалил все вещи прямо на пол. Постояв над фонарями и деньгами несколько минут, я вдруг понял, что в моей голове абсолютная пустота. Хотя нет – там было кое-что помимо пустоты. Жжение в разбитом затылке. И эта боль, это напоминание о произошедшем, заставляло меня держаться на новом уровне агрессии. Да. Я был зол. Не впервые в жизни это уж точно. Сколько раз я порой бил себя кулаками по ногам или пинал стены, вымещая на себе и предметах бессильную злобу... Но впервые я познал сладость четко направленной агрессии на кого-то другого... на кого-то живого... и речь не о животных – как раз их я любил. Я познал радость мщения... и эта радость мне так понравилась, что я... да... я хочу продолжения. Я больше не хочу быть тихой мышью, что прячется от любого шороха. Я не хочу быть... ничтожеством.

Взглянув на стену, я скривился, передернул плечами – над моей кроватью, прямо на стене, я пытался как-то составить план тренировок по бегу. В какой уж раз... и в очередной раз мой план провалился. Помешал сосед, что всячески издевался и принижал меня, с радостной ухмылкой заявляя, что такой дохляк, как я, не должен мнить себя настоящим бегуном. Да... а вон тот член с улыбкой нарисовал именно он – прямо на моей аккуратной начерченной таблице, где я собирался отмечать каждую тренировку. И ведь я смеялся тогда... Когда пришел домой едва таща ноги после тяжелой рабочей смены. И встал как вкопанный, глядя то на веселящихся в моей комнате уродов, то на изуродованную глумливым рисунком таблицу...

– Никогда больше, – прошептал я. – Никогда больше я никому не позволю ломать мои мечты. Никогда и никому! Ха! Почти как в нашем сурверском девизе...

Услышав шум, я неспешно обернулся и встретил прямым взглядом вошедшего соседа.

– Вещи, – не поднимая головы, пробубнил тот. – Мои вещи.

– Давай, Тенк, – кивнул я, переводя взгляд на двух сопровождающих бывшего соседа патрульных. – Добрый вечер, офицеры.

– И тебе, Амос – кивнул старший из них, явно пребывая в напряжении и то и дело поглядывая на лежащую на полу кучу вещей, среди которых выделялась отвертка. – Как себя чувствуешь?

– Просто прекрасно, – признался я с широкой улыбкой.

Патрульные переглянулись, а я принялся стягивать одежду, не обращая внимания на торопливо снующего по комнате Тенка, подхватывающего шмотки и как попало пихающего их в огромный чемодан. Ему хватило нескольких минут, чтобы собраться. И он, вжимая голову в плечи и не глядя на меня, выскочил наружу. Патрульные кивнули на прощание и ушли за ним. А я вышел следом за всеми, тщательно заперев за собой дверь. Я успел переодеться и переобуться. И, на ходу разминаясь, отошел от стены, выходя на самую медленную дорожку бегового Манежа. Пройдя пару сотен метров во все ускоряющемся темпе, я перешел на бег трусцой. И где-то через километр уже почувствовал, как настроение начинает становиться просто радужным. Это еще не любимая мной когда-то эйфория бегуна – а ее я не ощущал давненько – но что-то близкое к этому. Еще чуть ускорившись, я побежал в этом ритме, следя за тем, чтобы не сбить дыхание. Когда-то я мог бегать куда быстрее – и долго – но теперь я не больше чем любитель.

Не выдержав, я рассмеялся и, обогнав пару бегущих старушек в одинаковых сине-белых беговых костюмах, пропел старый сурверский девиз, что известен каждому мальчишке:

– На смерти вопрос – «как и когда?», мой ответ – никогда! На смерти вопрос – «как и когда?», мой ответ – никогда!

Так я дальше и побежал, быстро потеряв счет времени и просто наматывая круг за кругом по беговому Манежу. Да, я знал, что завтра мне придется поплатиться за эту беспечность дико ноющими мышцами, что какое-то время я не смогу нормально наступать на подошвы ног, ведь я в тканевых мокасинах на пластиковой тонкой подметке... но сейчас меня это не волновало. Я просто бежал и бежал, изредка замедляясь, чтобы чуть восстановить дыхание, а затем снова ускоряясь. Меня кто-то о чем-то спрашивал – вроде как про разбитое лицо – но я не отвечал, пробегая мимо. И вскоре спрашивать перестали. Это позволило мне окончательно углубиться в себя и задуматься над вопросом, что всегда меня волновал, хотя благодаря собственной трусости я так и не ответил на него – даже самому себе.

Чего я хочу от жизни?

Вопрос для нас, сурверов, непростой.

Наш менталитет, наша сурверская натура... они впитываются с молоком матери и потом – хочешь ты этого или нет – влияют на нас всю жизнь.

Кредо сурвера – выжить!

И это налагает определенные ограничения. Мы уважаем людей спокойных, рассудительных, деятельных. Такие у нас в почете. А такие, как Тенк, мой бывший сосед по комнате... любящие только развлечения... такие у нас и сурверами-то не считаются. Мы не любим бездельников, считая, что от них все беды – равнодушие к доверенным обязанностям, отсутствие ответственности, выполнение любой работы спустя рукава. В условиях замкнутой среды сурверского убежища подобное отношение к работе приводит к реальным бедам. Проспал или недосмотрел – и где-то прорвет трубу, жилой уровень затопят сточные воды. Пусть никто не захлебнется – вонять будет месяцами! Дерьмо быстро въедается в бетон... Забыл вовремя нажать кнопку ручного переключения на пульте в операторской – и где-то не будет открыта заслонка вентиляции, часть помещений окажется без притока свежего воздуха...

Да. Мы не любим лентяев и бездельников.

Но мы не любим и тех, кого считаем заполошными дураками и неумными фантазерами.

Речь о тех, кто грезит скорым завершением нашей вынужденной отсидки под землей. О тех, кто верит, что еще при их жизни убежище Хуракан будет открыто и все выйдут на поверхность внешнего мира. Туда, где наконец-то уровень радиации упал до приемлемого, где кончилась многовековая ночь и зима, потому что осела поднятая ядерными взрывами пыль, не позволявшая солнечному свету достичь поверхности планеты и согреть ее. Эти непоседы опасны сразу по всем пунктам тревожной таблицы характеров – ведь они и работать нормально не могут хотя бы потому, что считают это уже ненужным. К чему как следует надежно чинить воздушные компрессоры, если все равно наверху уже не опасно? По их понятиям даже лучше будет, если все оборудование сломается, а замены ему не найдется – вот тогда точно придется вскрывать убежище и отправлять наверх разведывательную группу. Они же баламутят народ – мало ли слабоумных, что прислушиваются к чужим бредням. Таких вот заполошных дураков и фантазеров правление убежища старается вовремя обнаружить и провести с ними вдумчивые беседы, чтобы дать четко понять – сидите тихо!

Кого мы еще не любим?

О... еще сурверы с нескрываемым легким пренебрежением и внутренним презрением относятся к тем, кто не может отстоять свои права, кто пасует перед чужой агрессией. Сурверы не понимают тех, кто готов отдать что-то кому-то бесплатно – с чего бы вдруг такая глупая щедрость? В общем, здесь не любят таких, как я – слабаков, трусов и дебилов по их понятиям. Настоящий сурвер себя в обиду не даст!

Н-да...

А кого любят сурверы?

О... это известно каждому – мы любим тех, кто всегда имеет запасную штуку под каждую штуку, как бы странно это не звучало. Мы любим, когда у нас все в двойном, а то и в трой-

ном комплекте – будь то отвертка или же, скажем, сурвпад. Мы любим людей основательных, таких, что смотрят четко перед собой, зная, что вся их жизнь пройдет в коридорах Хуракана. Эти люди живут тихо и сытно, у них крепкие семьи, хорошая работа, стабильный заработок и надежные связи с другими не последними сурверами.

Как-то так...

Хотя все это чуток гротескно у нас. К примеру, мы с уважением относимся к патрульным, что работают во внешней ауре Хуракана, регулярно проходя сквозь шлюзы и патрулируя затопленные местности за нашими внешними стенами. Но при этом остальные сурверы смотрят на таких патрульных как на вроде чуток дураковатых. Почему? Да потому что ненормально же покидать Хуракан! Там опасности, которые ты не можешь контролировать – именно поэтому и было в свое время построено наше убежище. Оно создано, чтобы защитить нас от неподдающихся контролю бед вроде запредельной радиации, мороза, мутировавших тварей и сонма всевозможных болезней. И до тех пор, пока мы окончательно не удостоверимся, что внешний мир снова стал пригодным для нормальной жизни, покидать убежище даже временно... это как-то безрассудно. А сурверы безрассудными не бывают – это все знают.

В общем, мы – сурверы – народец странный. У нас куча странных примет, убеждений и правил. А если добавить к этому всему Культ Экспульсо...

Так кто я во всем этом настоявшемся подземном бульоне?

Все тот же слабак Анус?

Нет...

Почему-то я был абсолютно уверен, что тот слабак больше не вернется – что-то от него во мне еще осталось, но стремительно исчезало, буквально выгорая в переполняющей меня ненависти ко всем тем, кто меня когда-то обидел. А ведь я реально припомнил лицо каждого обидчика.

Что?

Простить и забыть?

Нет...

Сурверы никогда и ничего не забывают – это еще одно из наших правил.

– Не прощу и не забуду, – просипел я, с натугой загоня воздух в начавшие гореть легкие. – На смерти вопрос – «как и когда?», мой ответ – никогда! На смерти вопрос – «как и когда?», мой ответ – никогда!

Я сумел продержаться еще три километра. Затем в голове запульсировала такая боль, что я предпочел остановиться. Постояв у двери, намертво зажав ключ в кулаке, я выждал, когда боль утихнет, а ноги чуть перестанут дрожать. Только затем я сумел отпереть дверь, взять два динеро, чистую одежду на смену и потопать обратно в банный комплекс Чистая Душа.

Вернулся я через полтора часа. Содрал с постели воняющие чужим телом простыни, стащил и скинул на пол наволочку, после чего рухнул на матрас и мгновенно отключился. Я настолько устал, что мне было глубоко плевать на все то нехорошее, что могло со мной случиться в ближайшее время.

Плевать.

Сейчас мне на все плевать...

И моему обычному трусливо дрожащему телу тоже плевать – я недвижим как скала, а желудок счастливо переваривает залитые чаем макароны по-флотски – еще одно фирменное блюдо, доставшееся нам от Россогора.

Глава четвертая

С утра я пошел на работу.

Я сурвер-работяга – куда мне еще идти?

И я двинулся дальше уже протоптанной жизненной колеей. Но с небольшими изменениями. Для начала я прошерстил свою жилую площадь, найдя остатки чужого имущества и выставив их за порог в старой сумке с короткой пояснительной запиской «Вещи Тенка». При этом я убедился, что меня видела парочка прохожих, и даже поздоровался с ними, хотя ничуть не желал видеть их любопытные рожи. Они прочли записку – и пошли дальше, явно сменив прежнюю тему дискуссии на более новую. Сейчас они пройдутся социальным катком общественного порицания сначала по моему непутевому типа соседу, затем по мне, а под конец не забудут задуматься на тему «а может между ними что-то есть?». Раньше меня бы это встревожило. Раньше я бы их остановил и с почему-то виноватой улыбкой начал бы объяснять, что, мол, вы ничего такого не подумайте, мы с Тенком хорошие друзья, и просто не сложилась соседская жизнь... А сейчас мне глубоко плевать, что они там обсуждают.

Собрав свое имущество – то, что воняло чужим телом – я связал его в огромный узел и глянул на старые механические часы с эмблемой Россогора. Раритет! Круглый циферблат и механизм спрятаны в куске хрусталя, в нем же утоплена гордая надпись «Россогор», сзади торчат два медных ключика. Эта вещь досталась мне от прабабки, а та выкупила часы у... история почти бесконечная. Я забрал часы, когда уходил из отчего дома – чтобы отец не пробухал и их тоже. Старые часы показывали, что до момента, когда тут неподалеку начнет собираться наша рабочая бригада оставалось почти два часа – мы собираемся в девять тридцать, хотя многие опаздывают. Ну как многие... некоторые особенные... Бросив еще один короткий взгляд на часы, прислушавшись к своему состоянию, я принялся решительно переобуваться. Уже через пять минут я был на дорожке бегового Манежа и в среднем для меня темпе двигался по кругу. Просто равномерный механический бег с мягким приземлением каждой ноги – чтобы не так сильно отдавались болью вчерашние травмы. Так я бегал целый час – под конец сполз до черепашьего темпа и едва дотащившись до дома. Отлежавшись прямо на узле с простынями и полотенцами, я взвалил его на себя и поковылял в банный комплекс Чистая Душа. Там я провел целый час, позволив себе чуток понежиться в горячей воде, а затем еще и постирать все вещи. Что удивительно – сидящий за стойкой парень впервые смотрел при разговоре мне в глаза, а не в журнал. И он разговаривал со мной уважительно – так, как со мной никогда не разговаривали.

Здравствуйте, мистер Амос. Все ли понравилось, мистер Амадей? До свидания, мистер Амадей.

Все они путали мое имя с фамилией и постоянно меняли их местами – как и я сам.

Вернуться домой, развесить белье на заново протянутых веревках рядом с вентиляционной приточкой, а затем неспешно собраться, не забыв ни одну мелочь, снова налепить пластыри, забросить в карман пяток монет... на все это ушло еще полчаса. Топать до места встречи бригады минут десять – так что я безнадежно опоздал и буду там никак не раньше начала одиннадцатого утра – как раз то время, когда неспешно подползают «особенные» члены нашей «дружной» рабочей бригады.

Несмотря на боль, шагал я быстро – меня подгонял зверский голод. Бег топит жир. Бег жжет калории. Не будешь подпитывать внутреннюю печку едой – бег тебя иссушит и убьет. Так в мои уже почти безнадежно забытые подростковые времена говорил нам тренер по бегу. А затем меня задавили насмешки сверстников, и я ушел из беговой секции. Так моя спортивная жизнь закончилась.

Кто виноват?

Они, конечно. Затравили меня...

Я едва не споткнулся, когда во мне прозвучал мой же насмешливый и даже глумливый голос, что явственно проскрипел: «Ты виноват. Ты разрешил. Ты позволил». Закашлявшись, я, придерживая рукой саднящую щеку, еще чуток замедлился, позволив ноющим ногам отдохнуть.

С напарниками мы встречались рядом с уличной забегаловкой, расположенной там, где раньше находился книжный остекленный павильон – что-то вроде небольшого читального зальчика, где можно было взять любую книгу из шкафа и почитать, сидя за одним из столов. Моя мама в юности любила сюда ходить – по ее рассказам, запомненным мною в детстве. Но сурверы читать стали гораздо меньше, а вот играть в настольные игры чаще. Таков результат недавно проведенного официального исследования сурверского досуга.

Ага... настольные игры.

Звучит безобидно. На каждом уровне что-то свое, а у нас с ражем режутся на деньги в нарды. Долги наживают лютые. Книги отсюда убрали в архив, а вместо них установили пару киосков, где всегда можно было приобрести слабый алкоголь и немудренные закуски. Столы остались. Как и название Лучик Света. Новые владельцы арендовали эту площадь у семьи Якобс – кто бы сомневался – и заодно получили от них некоторые указания по правилам поведения с клиентами. Поэтому никто не орал на простых работяг вроде нас, когда мы скромно занимали один из пустующих окраинных столов и проводили тут ежедневное утреннее собрание, а следом и распределение работ. А чего владельцам протестовать и орать? Ведь им же все заработанное и принесем рано или поздно.

Первое, на что я наткнулся, добравшись до нашего излюбленного чмошного столика, как его любя называл покойный уже Степан, пропахавший в бригаде сорок лет и умерший от цирроза печени, были нескрываяемо изумленные взгляды тех пятерых, что прибыли раньше меня. Среди них был и бригадир, что тут же приподнялся и сердито пристукнул кулаком по крепкой столешнице:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.